

Русскій Колоколъ.

Журналъ волевой идеи.

№ 2

Редакторъ-Издатель

Профессоръ

И. А. Ильинъ.

1 9 2 7

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1. Мы вѣримъ въ величіе новой, грядущей Россіи: ея занята наша мысль; ей отдана наша воля. И журналъ нашъ обращается къ тѣмъ, кто хочетъ служить ей любовью, словомъ и дѣломъ.
2. Россіи нужна прежде всего — національная интеллигенція, религіозно обновленная и государственно мыслящая. Только ей можетъ открыться великая — христіанская и патріотическая идея Россіи; только она сможетъ воспитать въ народѣ ту великую силу воли, которая необходима для осуществленія этой идеи.
3. Каждый изъ насъ долженъ работать надъ собою въ этомъ направленіи: вынашивать вѣрную, глубокую и ясную идею и готовить въ себѣ сильную, гибкую и умѣлую волю. Основная задача «Русскаго Колокола» состоитъ въ томъ, чтобы содѣйствовать этому драгоценному, творческому процессу.
4. Для этого нашъ журналъ даетъ статьи и матеріалы. Эти статьи и матеріалы нельзя «просматривать»; ихъ не стоитъ «пробѣгать глазами»: напрасно искать въ нихъ развлеченія и «легкаго чтенія». Въ нихъ нѣтъ случайнаго и безотвѣтственнаго; въ нихъ прочувствовано каждое слово; въ нихъ продумано каждое утвержденіе. Они требуютъ вниманія и, главное, разсмотрѣнія и рѣшенія каждаго отдѣльнаго вопроса по существу.
5. Лучше всего читать и обсуждать эти статьи совместно. вдвоемъ, втроемъ или въ кружкѣ единомышленниковъ. Почти каждая статья можетъ замѣнить очередной рефератъ; и почти каждая статья требуетъ принципиальнаго рѣшенія, которое лучше всего принимать совместно.
6. Особаго вниманія требуютъ матеріалы и инструкціи, помѣщаемыя во второй части журнала. Ихъ назначеніе — вооружить мысль и волю русскаго патріота. На какомъ бы посту онъ ни оказался впоследствии въ грядущей Россіи — учителя, журналиста, офицера, агронома, кооператора, чиновника — онъ найдетъ здѣсь необходимые для него свѣдѣнія, совѣты и формулы.
7. Крайне стѣсненная объемомъ журнала и учитывая размѣры своего задания, редакція не можетъ помѣщать ни обширныхъ фактическихъ описаній, ни корреспонденцій съ мѣстъ. Это — дѣло газетъ. Нашъ журналъ можетъ говорить только о главномъ, только по существу и сжато.
8. Редакція ждетъ отъ всѣхъ читателей - единомышленниковъ прямыхъ откликовъ, запросовъ и пожеланій, идущихъ въ томъ же направленіи. Всякій откликъ безъ исключенія будетъ принятъ во вниманіе и такъ или иначе учтенъ.

Русскій Колоколъ.

Журналъ волевой идеи.

№ 2

Редакторъ-Издатель
Профессоръ
И. А. Ильинъ.

1 9 2 7

О РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ.

«Вы соль земли. Если же соль потеряет силу, то чѣмъ сдѣлаешь ее соленою? Она уже ни къ чему не годна, какъ развѣ выбросить ее вошь на поправіе людямъ».

Еванг. отъ Мте. V. 13.

Русская интеллигенція стоитъ на великомъ, идейномъ и волевома распутии. У обрыва, у бездны пресѣклась ея прежняя дорога: нельзя идти далѣе въ томъ же направленіи. Есть лишь крутой поворотъ въ сторону, на новыя, спасительныя пути; и есть скользкія, обрывающіяся тропинки — на дно... Надо понять и выбрать; рѣшить и идти. Но нельзя выбирать долго: сроки коротки, а время идетъ. Или вы не слышите, какъ зоветъ Россія? Или вы не видите, какъ развертывается и назрѣваетъ міровой кризисъ? Поймите же: Россія должна быть освобождена и очищена до того, какъ міровой кризисъ назрѣетъ и разразится!..

Не раздумье опасно, а безволие; не самоуглубленіе, а нерѣшительность. Русской интеллигенціи есть надъ чѣмъ задуматься; и безъ религіознаго и духовнаго самоуглубленія ей не найти вѣрнаго исхода. Честно и мужественно она должна сказать себѣ, что революціонное крушеніе русскаго государства есть прежде всего ея собственное крушеніе: это она вела и она привела Россію къ революціи. Одни вели сознательною волею, агитаціей и пропагандой, покушеніями и экспроприаціями. Другіе вели проповѣдью непротивленчества, опроценія, сентиментальности и равенства. Третьи — безъидейною и мертвящею реакціонностью, умѣніемъ интриговать и давить, и неумѣніемъ воспитывать, нежеланіемъ духовно вскармливать, неспособностью зажигать свободныя сердца... Одни разносили и вливали

ядь революціи; другіе готовили для него умы: третьи не умѣли (или не хотѣли) — растить и укрѣплять духовную сопротивляемость въ народѣ...

Здѣсь все должно быть мужественно додумано до конца и честно выговорено. Горе упрямымъ и трусливымъ! Позоръ самодовольнымъ лицемѣрамъ! Безпристрастная исторія заклеить ихъ, какъ слѣпцовъ и разрушителей. а возстановленіе Россіи будетъ обусловлено вымираніемъ ихъ поколѣнія...

Нынѣ русская интеллигенція или задавлена и обезсилена въ странѣ. или извергнута изъ Россіи. или погублена революціонерами. Не въ судѣ надъ нею дѣло; хотя каждый изъ насъ всегда призванъ къ суду надъ самимъ собою. Не обвинять намъ надо другъ друга: хотя прозрѣть и обновиться сможетъ лишь тотъ, кто сумѣетъ найти и свою собственную вину въ событіяхъ. Мы не ищемъ «обвиненія»; но мы не можемъ замалчивать правду. ибо правда необходима сейчасъ Россіи. какъ свѣтъ и воздухъ...

Зоркій и честный діагнозъ есть первая основа лѣченія. Но этотъ діагнозъ долженъ быть не клеймящій. а объясняющій. И тѣ, кто нынѣ особенно склонны къ клейму и злопыхательству, пусть помнятъ, во-первыхъ. что они сами пребываютъ на скамьѣ подсудимыхъ; во-вторыхъ. что умственные и духовныя теченія слагаются медленно и бываютъ устойчивы. какъ психозъ. такъ. что не подчиняться имъ и плыть противъ теченія могутъ только исключительно сильныя натуры; и въ-третьихъ. что нынѣ намъ данъ новый историческій опытъ, котораго не имѣли наши отцы. Отвергать людей надо не за ихъ прошлыя неудачи или заблужденія, а за ихъ нынѣшнее злостное нежеланіе прозрѣть...

Я говорю совсѣмъ не объ «отцахъ» и «дѣтяхъ». И передъ революціей были мудрые и сильные отцы; они имѣются у насъ и теперь. — это нашъ кладязь государственнаго опыта, залогъ и гарантія того. что мы идемъ по вѣрному пути. А молодежь и передъ революціей вошла, что она «понимаетъ все лучше отцовъ»; и вотъ—довонила... Только ослѣпленные и одержимые не мудрѣютъ съ годами; только гению дается сразу, отъ молодыхъ ногтей, семь пядей во лбу. И всегда такъ было, и всегда такъ будетъ. что юная самоувѣренность чревата бѣдою.

Итакъ, я говорю совсѣмъ не объ «отцахъ» и «дѣтяхъ» . . . —

Да, одна изъ причинъ революціи — въ настроеніи ума и въ направленіи воли русской интеллигенціи. Вся бѣда въ томъ, что русская интеллигенція невѣрно поняла свое предназначеніе и свою задачу въ жизни Россіи, и потому не нашла своего органическаго мѣста и не дѣлала своего органическаго дѣла въ странѣ. Мы говоримъ не о служиломъ, военномъ и гражданскомъ кадрѣ, который всегда былъ богатъ сильными и вѣрными людьми, а о партійныхъ (лѣвыхъ и правыхъ) «политикахъ» и о заражавшейся отъ нихъ обывательской массѣ. Эта интеллигенція дѣлала обратное своему призванію и не только не строила здоровый духъ русской государственности, но вкладывала свои усилія и свой паюсъ въ его разложеніе. Отсюда ея органическое безсиліе въ часъ испытанія и бѣды, ея растерянность, ея пораженіе и крушеніе.

Въ часъ испытанія и бѣды, въ часъ изнеможенія, унынія и соблазна масса простого русскаго народа пошла не за русской интеллигенціей, а за международной полунинтеллигенціей: пошла не спасать Россію, а губить ее; пошла не къ національно-государственной цѣли, а къ частному обогащенію; измѣнила русской и православной идеѣ и предалась ислѣпной и конюнктвенной химерѣ. Это есть историческій фактъ, котораго нельзя вытравить изъ исторіи Россіи, но который наше поколѣніе обязано осмыслить до конца; осмыслить и сдѣлать изъ него волевые выводы для будущаго . . .

Этотъ неоспоримый историческій фактъ есть самъ по себѣ приговоръ. Совсѣмъ не потому, что простой народъ будто бы «всегда и во всемъ правъ», или — что дѣло интеллигенціи только прислушиваться къ его желаніямъ и угождать ему; все это лживыя и льстивыя, растлѣнныя слова, извращающія дѣло въ самомъ корнѣ; но потому, что задача интеллигенціи состоитъ именно въ томъ, чтобы вести свой народъ за національной идеей и къ государственной цѣли; и образованный слой, неспособный къ этому, всегда будетъ исторически приговоренъ и свергнутъ. Но при этомъ интеллигенція не смѣетъ слагать съ себя вину и возлагать ее на простой народъ. Ибо если народъ «темень» — то это не его «вина», это творческая, но еще не разрѣшенная задача

національної інтеллигенції; и если въ народѣ живутъ и вскипають дурныя страсти, то къ облагороженію и направленію ихъ и призванъ національный образованный слой. Воспитатель, жалующійся на своего воспитанника, долженъ начать съ самого себя; да и не русскому интеллигенту, хотя бы въ раздраженіи и растерянности, поносить добрую, терпѣливую и даровитую душу русскаго простаго человѣка . . .

Если масса простаго русскаго народа пошла не за своимъ національнымъ образованнымъ слоемъ, а за чужеродными, интернаціональными авантюристами, то причину этого русская интеллигенція должна искать прежде всего въ себѣ самой. Это значить, что она не была на высотѣ и не справилась со своею задачей. Пусть лѣвыя и правыя партіи взаимно обвиняють теперь другъ друга; пусть они споряють о томъ, кто погубилъ больного — экономъ-управитель, заставлявшій его перенапрягаться въ работѣ при дурномъ питаніи, или недоучка-фельдшеръ, отравлявшій его ядами и заражавшій его бактеріями. Намъ, ищущимъ правды и вѣрныхъ рѣшеній для будущаго, надо установить, что обѣ стороны шли по ложнымъ путямъ, обѣ вели къ гибели; и что впредь необходимо дѣлать обратное въ обоихъ отношеніяхъ.

Русская интеллигенція не справилась со своею задачей и довела дѣло до революціи потому, что она была безпочвенна и лишена государственнаго смысла и воли.

Эта безпочвенность была одновременно и соціальною, и духовною: интеллигенція не имѣла здоровыхъ и глубокихъ корней въ русской народной толщѣ, но она не имѣла ихъ потому, что ей нечего было сказать русскому простонародью, такого, что могло бы заечь его сердце, увлечь его волю, озарить и покорить его разумъ. Русская интеллигенція въ своей основной массѣ была религіозно мертва, національно-патріотически холодна и государственно безыдейна. Бя «просвѣщенный» разсудокъ, вольтеріански опустошавшійся и матеріалистически отравлявшійся въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, тянулъ къ отвлеченному доктринерству и отвращался отъ религіи: онъ разучился видѣть Бога, онъ не умѣлъ находить Божественное въ мірѣ и именно потому онъ пересталъ видѣть Божественное въ своей родинѣ, въ Россіи. Россія стала для русскаго интеллигента награ-

можденіемъ случайностей, народовъ и войнъ; она перестала быть для нея историческою національною молитвою, или живымъ домомъ Божиимъ. Отсюда это угасаніе національнаго самочувствія, эта патріотическая холодность, это извращеніе и оскудѣніе государственнаго чувства и всѣ связанныя съ этимъ послѣдствія — интернаціонализмъ, социализмъ, революціонность и пораженчество. Русская интеллигенція перестала вѣрить въ Россію; она перестала видѣть Россію въ Божіемъ лучѣ, Россію, мученически выстрадававшую свою духовную самобытность; она перестала слышать священные глаголы Россіи, ея священное гнѣніе въ вѣкахъ. Россія перестала быть для нея религіозною проблемою, религіозно-волевымъ заданіемъ. Кого же она могла воспитывать и куда она могла вести? Утративъ вѣру и Бога, она утратила священный смыслъ своей родины, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самую родину въ ея истинномъ и великомъ значеніи; отъ этого ея государственное разумѣніе стало пустымъ, плоскимъ и безидейнымъ. Она утратила религіозный смыслъ государственнаго строительства и тѣмъ въ корнѣ извратила свое правосознаніе. Ея душа стала духовно безпочвенною.

Но именно отсюда возникло ея безпочвенное положеніе въ предѣлахъ ея собственнаго народа.

Отъ Бога и отъ природы русскій народъ одаренъ глубокимъ религіознымъ чувствомъ и могучимъ политическимъ инстинктомъ. Богатства его духовныхъ нѣдръ могутъ сравниться только съ богатствами его внѣшней природы. Но эти духовныя богатства его остаются подспудными, нераскрытыми, какъ бы неподнятою и незасѣянною цѣлиною. На протяженіи вѣковъ Русь творилась и строилась инстинктомъ, во всей его бессознательности, неоформленности и, главное, удобосовратимости. Страсть, незакрѣпленная силою характера, всегда способна всколыхнуться, замутиться, соблазниться и рвануться на ложные пути. И спасти ее только и можетъ, по глубокому слову Патріарха Гермогена, «неподвижное стояніе» въ правдѣ народныхъ вождей.

Русскій народъ, по заряду данныхъ ему страстей и талантовъ и по неукрѣпленности своего характера, всегда нуждался

въ сильныхъ и вѣрныхъ вождяхъ, религіозно почвенныхъ, зоркихъ и авторитетныхъ. Эту особенность свою онъ самъ всегда смутно чужалъ и потому всегда искалъ себѣ сильныхъ вождей, вѣрилъ имъ, обожалъ ихъ и гордился ими. Въ немъ всегда жила потребность найти себѣ опору, предѣлъ, форму и успокоеніе въ сильной и благой волѣ призваннаго къ власти повелителя. Онъ всегда цѣнилъ сильную и твердую власть; онъ никогда не осуждалъ се за строгость и требовательность; онъ всегда умѣлъ прощать ей все, если здоровая глубина политическаго инстинкта подсказывала ему, что за этими грозными стоить сильная патріотическая воля, что за этими суровыми понужденіями скрывается большая національно-государственная идея, что эти непосильные подати и сборы вызваны всенародною бѣдою или нуждою. Нѣтъ предѣловъ самопожертвовательности и выносливости русскаго человѣка, если онъ чувствуетъ, что его ведетъ сильная и вдохновенная патріотическая воля; и обратно — онъ никогда не шелъ и никогда не пойдетъ за безволіемъ и пустословіемъ, даже до презрѣнія, до соблазна шархануться подъ власть волевого авантюриста.

Русская предреволюціонная интеллигенція не имѣла за душою того, что могло пробудить и повести за собою этотъ здоровый государственный инстинкъ простаго народа. Лишенная въ самой себѣ духовной почвы, она не могла пріобрѣсти и общественно-политической почвы въ массахъ; оторвавшаяся отъ Бога, разучившаяся строить и поддерживать монархическое правосознаніе, примѣнившаяся къ классовымъ интересамъ и утратившая отъ этого національно-государственный смыслъ, — она не имѣла великой національной идеи, способной зажигать сердца, заряжать волю и покорять умы; она не умѣла вѣрно стоять, бодро идти и крѣпко вести; она утратила доступъ къ святылицѣ народной совѣсти и народнаго патріотизма; и, суетясь на «политической» поверхности, она была способна только подрывать вѣру народа въ спасительность монархіи, правопорядка и частной собственности. Передъ революціей у насъ не было интеллигенціи, способной къ волевому воспитанію народа; у насъ были только «обучавшіе учителя», снабжавшіе учениковъ «свѣдѣніями»; и наряду съ этимъ — демагоги слѣва, успѣшно мобилизовавшіе

вокругъ себя чернь для переворота, и демагоги справа, неумѣвшіе сдѣлать даже и этого.

То, что интеллигенція говорила простому народу, будило въ немъ не совѣсть, а безсовѣстность; не патріотическое единеніе, а духъ раздора; не правосознаніе, а духъ произвола; не чувство долга, а чувство жадности. И могло ли быть иначе, когда у интеллигенціи не было религіознаго воспріятія родины, не было національной идеи, не было государственнаго смысла и воли. Ключъ къ глубокому и здоровому инстинкту русскаго простого народа, ключъ къ его живому духу — былъ потерянъ; а доступъ къ его низкимъ, жаднымъ и свирѣпымъ влеченіямъ былъ открытъ и легокъ.

Такъ случилось это, что инстинктъ національнаго самосохраненія изсякъ въ русской интеллигенціи и потому она оказалась неспособною будить инстинктъ національнаго самосохраненія въ русскихъ массахъ и вести ихъ за собою. Русскій образованный слой глоталъ европейскую культуру не провѣряя ея выдумки и «открытія» — ни глубиною религіозной, христіанской совѣсти, ни глубиною національнаго инстинкта самосохраненія. Умственные химеры и противоестественныя утоніи Запада плѣняли его безпочвенную душу, не сдержанную спасительнымъ внутреннимъ упоромъ здороваго инстинкта, этого великаго учителя въ вопросахъ жизненнаго реализма и политической цѣлесообразности; а слѣпое довѣріе къ разсудку и освободившійся въ безрелигіозной душѣ запасъ фанатизма — превращали эти утоніи и химеры въ какое-то противоестественное и безбожное «евангеліе» для массы. И весь этотъ блудъ и бредъ нуждался только въ волѣ, чтобы возникла волевая одержимость большевицкой революціи.

Въ такомъ состояніи русская интеллигенція не могла вести русское дѣло, не могла строить Россію.

Потерявъ живое отношеніе къ Богу, она искажила свое пониманіе христіанства, сведя все къ животной сентиментальности, къ социализму и отрицанію національнаго начала. Этимъ она потеряла органъ для русскаго дѣла, ибо русское дѣло есть сразу дѣло религіозное, націо-

нальное и государственное; и тотъ, кто упускаетъ хотя бы одну изъ этихъ сторонъ, тотъ упускаетъ все сразу.

Выѣстъ съ тѣмъ, слѣдуя разуму, матеріализму и западнымъ теоріямъ, она извратила свое пониманіе человѣческой природы и народной жизни. Она какъ бы ослѣпла и оглохла для того, что говорить голосъ инстинкта, голосъ органической цѣлесообразности, голосъ духа, голосъ личности, голосъ національности. Все распалось для нея на механическія составныя части и на механическіе законы. Тайна живого, органическаго единенія и творчества ушла отъ нея, стала ей недоступна: народъ распался для нея на своекорыстные «атомы» и «классы», на «угнетателей» и «угнетенныхъ»; и смыслъ великой, національной, органической и духовной совокупности, строившей себя въ вѣкахъ и именуемой Россіей — сталъ для нея мертвымъ звукомъ...

Такъ случилось это, что русская интеллигенція инстинктомъ и разумніемъ своимъ отдѣлилась отъ русскаго простого народа и сознательно противопоставила себя ему. Она перестала чувствовать его — своимъ народомъ, а себя — его интеллигенціей. Она перестала ощущать свое единое съ нимъ національное мы: она разучилась, видѣть въ себѣ національно-волевой органъ единого русскаго народа, призванный воспитывать и обязанный вести; она сама себя измѣрила и оцѣнила плоскимъ мѣриломъ социалистической морали и, измѣривъ, осудила; она увѣровала въ физическій трудъ и потеряла вѣру въ святыню духовнаго творчества; и, почувствовавъ свою мнимую «вину» передъ простымъ народомъ, пошла «вѣщать» ему трупную «мудрость» безбожія и социализма. Она понесла ему начала духовнаго тлѣнія и разложенія, религію раздора и мести, химеру равенства и социализма. И весь этотъ бредъ и блудъ ждалъ только сильной воли для того, чтобы большевицкая революція завладѣла странюю...

Сущность русской революціи состоитъ въ томъ, что русская интеллигенція выдала свой народъ на духовное растлѣніе, а народъ выдалъ свою интеллигенцію на поруганіе и растерзаніе. И конецъ революціи придетъ тогда, когда русская интеллигенція и русскій народъ возродятъ въ себѣ вѣрную глау-

бину религіозно-національнаго инстинкта и возсоединятся: когда интеллигенція докажетъ, что она не только не измѣнила волю національной идеѣ, но что она умѣетъ умирать за нее и за національную власть; а народъ убѣдится въ томъ, что интеллигенція необходима ему именно какъ носительница національной идеи, какъ строительница здоровой и великой національной государственности.

Видимъ и вѣримъ, что часъ этотъ близится. Вѣримъ и знаемъ, что кончены духовныя блужданія русской интеллигенціи; что ей предстоятъ впереди волевыя свершенія и духовныя достиженія: ибо великій народъ великъ прежде всего въ своихъ вождяхъ и творцахъ. Въ беззавѣтной любви къ національной Россіи найдутъ другъ друга русскіе люди; по этой любви они узнаютъ другъ друга и возстановятъ свое довѣріе и единство...

Редакторъ.

ЛИЦОМЪ КЪ РОССИИ !

Тяжелые, долги́е годы, прожитые въ томительномъ ожиданіи — не прошли безъ внутренней пользы для русской эмиграціи и постояннаго разочарованія. послѣ неоднократныхъ надеждъ на избавленіе Россіи отъ большевизма при помощи иностраннаго оружія, открыли ей глаза на самую сущность и на глубокое значеніе происходящаго въ Россіи процесса. Эмиграція все болѣе и болѣе отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, что лишь великая духовная сила, духовное возрожденіе самого Русскаго народа въ состояніи обезпечить исцѣленіе Россіи и возстановитъ ея національную мощь...

Зарубежная Россія ежегодно празднуетъ день русской культуры; это ея свѣтлый праздникъ на чужбинѣ. Она хорошо знаетъ, что въ этой области ей необходимо духовное единеніе, необходима связь съ Россіей прошлаго и Россіей будущаго, съ вѣчной Россіей. И во всѣхъ странахъ своего временнаго пребыванія русская эмиграція связала этотъ день духовнаго сосредоточенія, день, когда обновляется клятва вѣрности Россіи, — съ именемъ великаго русскаго поэта; ибо въ твореніяхъ Пушкина она находитъ ту спасительную силу, которую она всей душою ищетъ: гордый, созидательный, вѣрующій патріотизмъ. Подъ сѣнь его утѣшительной и бодрящей силы приходитъ вся Зарубежная Русь — безъ различія ея политическихъ программъ и раздѣленій. Здѣсь выше поднимаются сердца, ярче горитъ надежда. Злоба дня отходитъ отъ насъ и мы восходимъ на должную высоту.

На тотъ же самый путь вѣры въ созидательную силу генія русскаго народа, намъ слѣдуетъ вступить и въ области политической. Русская эмиграція должна спокойно и увѣренно повернуться лицомъ къ Россіи и «платформа» ея должна стать выше всякихъ партійныхъ комбинацій. Наше политическое умонастроеніе должно всецѣло исходить изъ вѣры въ геній Русскаго народа (Пуш-

кинскій патріотизмъ); изъ непоколебимой вѣры въ то, что подъ ударами судьбы и въ итогѣ испытаній въ сердцахъ и въ умѣ великаго народа происходитъ эволюція чувства и пониманія, ведущая къ національному подъему, къ сверженію большевицкаго ига усиленіемъ самого народа и къ рожденію Націи въ полномъ смыслѣ этого слова. Вѣрна лишь одна ставка: на свой собственный народъ, на Россію!

Мы уже въ состояніи прослѣдить какъ борется и побѣждаетъ Геній русскаго народа, пока въ оборонительной борьбѣ. Наступленіе большевиковъ на религію отбито; хотя борьба съ вершиною церковной организаціи еще продолжается. Но вѣра уже углубилась, стала болѣе правдивой, непосредственной, прямой. Походъ противъ семьи также окончился пораженіемъ. И здѣсь восторжествовала охранительная сила... Въ области народнаго хозяйства крестьянинъ послѣ многихъ весьма оцутительныхъ предметныхъ уроковъ понялъ, что простое владѣніе землей само по себѣ не предрѣшаетъ вопроса его благополучія: что для этого необходимо наличие извѣстныхъ общихъ благопріятныхъ условій. На живомъ опытѣ онъ постигъ смыслъ права собственности, необходимость твердыхъ законовъ и сильной національной власти, которая была бы въ состояніи всесторонне обезпечить ему тотъ основной порядокъ вещей, значеніе и необходимость котораго онъ уразумѣлъ на пути переживаній послѣднихъ лѣтъ. Но вопросы религіи, семьи и собственности суть лишь разныя стороны единаго жизненнаго опыта, который дѣйствуетъ на всѣ извилины народной души и постепенно объединяетъ всѣ народныя элементы Россіи въ общей ненависти къ нынѣшнимъ ея поработителямъ.

Даже рабочій классъ, бывшая «гвардія октябрьской революціи», начинаетъ отдавать себѣ отчетъ въ безвыходности нынѣшняго положенія вещей, въ духовной скудости революціонныхъ вождей и въ невозможности для совѣтскаго правительства обезпечить рабочимъ достаточный заработокъ или хотя бы простую возможность работы. Въ арміи съ каждымъ приходомъ новобранцевъ усиливается идейная связь съ деревней, все сгущается и все ярче отражается непріязнь къ совѣтской власти. Съ другой стороны память героическихъ усилій, проявленныхъ при защитѣ родной земли отъ иностраннаго на-

шествія, это чувство патриотической гордости, которымъ большевицкая власть такъ долго и успѣшно пользовалась для того, чтобы самой укрѣпиться въ сѣдлѣ, — теперь уже наполняетъ армію драгоцѣннымъ сознаниемъ отвѣтственности за судьбу Россіи. Это уже идея служенія Родинѣ, національная идея; и тотъ фактъ, что армія пока еще служитъ подъ красными знаменами, не мѣняетъ существа дѣла. Въ ней съ каждымъ днемъ усиливается жажда увидѣть во главѣ Россіи болѣе достойное правительство. — въ ней растетъ требованіе качества. Каждое пораженіе совѣтской власти въ области ипостранной политики — ощущается въ арміи особенно болѣзненно, какъ національное оскорбленіе, отвѣтственность за которое естественно и всецѣло возлагается на совѣтское правительство. Съ каждымъ новымъ ударомъ по этому чувствительному мѣсту крѣпнуть въ арміи элементы рѣшимости, дѣйственности и качества. и мы съ увѣренностью можемъ предвидѣть, что въ рѣшительный моментъ вооруженная сила страны будетъ стоять на сторонѣ народа противъ его угнетателей, и притомъ не только изъ чувства презрѣнія и ненависти къ врагу религіи, семьи и собственности, но и благодаря окрѣпшему въ ней здоровому національному самочувствію.

Захватчикамъ въ Кремлѣ все это въ общемъ хорошо извѣстно, но они также сознаютъ свое безсиліе измѣнить это настроеніе въ массѣ, а затѣмъ и ходъ событій — въ свою пользу. Они пришли къ концу комбинаціонныхъ возможностей. Ихъ внутренняя творческая слабость передъ всѣми вскрыта, также какъ и безнадежность ихъ принципиальныхъ и личныхъ споровъ между собою. Страхъ передъ грядущей расплатой и неразборчивость въ средствахъ борьбы спаиваетъ ихъ еще, но агонія ихъ владычества близится; и всѣмъ въ страхѣ это ясно. Масса народа знаетъ, что будущее принадлежитъ ей, — будущее обезпеченности и прогрессирующаго благополучія. Въ совѣтской власти она видитъ единственное препятствіе на пути къ настоящей «обѣтованной» землѣ, ко всѣмъ тѣмъ великимъ, манящимъ возможностямъ, которыя открылись передъ ея глазами и къ которымъ она теперь тянется всѣми своими фибрами. Страшное землетрясеніе прошедшее по Россіи расшевелило ее до самой глубины, пробудило и раскачало русскій народъ. Жизнь, несмотря на лише-

нія и тяжелыя испытанія, стала для него захватывающе интересною; и нѣтъ тѣхъ фокусовъ и обѣщаній, нѣтъ той силы, которая могла бы теперь еще затемнить его сознание или парализовать его неорганизованный. правда, и медленный напоръ. Онъ чувствуетъ и видитъ, какъ его силы растутъ и какъ нажимъ врага слабѣетъ. Онъ увѣренъ въ своей побѣдѣ.

Въ этой великой борьбѣ Россія можетъ рассчитывать только на свои собственные духовныя и физическія возможности. Европа нынѣ не располагаетъ тѣми духовными силами, которыя безусловно необходимы для волевого и активнаго вмѣшательства иностраннаго міра въ процессъ внутреннихъ переживаній и событій въ Россіи. Поддавшись соблазну наживы, привѣтствуя въ близорукомъ расчетѣ политическое ослабленіе Россіи, — большинство европейскихъ странъ и правительство капитулировало передъ большевизмомъ. Правительства и народы, вступивъ по собственному выбору на путь «признанія большевиковъ» и совѣтской власти, тѣмъ самымъ отказались отъ основныхъ принциповъ, на которыхъ покоится и выросла вся истинная культура, все человѣческое достоинство. Отсюда происходитъ общій недугъ нашего времени, наблюдаемый въ большинствѣ европейскихъ странъ, а именно — состояніе расслабленности и растерянности, духовное оскудѣніе и несостоятельность. Такое патологическое явленіе въ области народной нравственности. парализуетъ и даже исключаетъ всякую послѣдовательную, сознательную государственную дѣятельность. И даже въ тѣхъ случаяхъ, когда правительства, убѣдившись на горькомъ опытѣ въ томъ, что признаніе совѣтской власти приноситъ имъ лишь ущербъ и потери всякаго рода вмѣсто ожидаемыхъ выгодъ, порываютъ формальныя узы признанія, — такой шагъ самъ по себѣ еще не можетъ помочь. Путаница въ основныхъ понятіяхъ уже слишкомъ далеко распространилась. Позднее стремленіе къ исправленію допущеннаго промаха, конечно, не въ состояніи пополнить нравственное оскудѣніе — безъ глубокаго раскаянія, безъ новаго духовно-обновляющаго теченія.

Въ противоположность такому состоянію расслабленія, въ Россіи. благодаря тягчайшимъ испытаніямъ. медленно, но не-

уклонно начало слагаться и будет крѣпнуть обратное явление: состояніе повышеннаго самочувствія у перестрадавшаго и одолѣвшаго народа, процессъ духовнаго обогащенія и чувство духовной состоятельности. Въ немъ вѣрный залогъ будущей духовной послѣдовательности, созидательной силы и предстоящаго государственнаго возрожденія Россіи усиліями самого русскаго народа. Въ послѣднемъ итогѣ — это предметный урокъ космическихъ размѣровъ, который учить первенству духовнаго начала и общаетъ ему побѣду надъ матеріализмомъ. Въ этомъ смыслѣ великій русскій вопросъ лежитъ въ корнѣ всѣхъ главнѣйшихъ міровыхъ сплетеній переживаемаго времени... —

Русская эмиграція должна понять всю глубину, все значеніе и всѣ необходимыя послѣдствія этого противопоставленія и найти въ себѣ абсолютную вѣру въ творческій геній русскаго народа и въ предстоящее воскресеніе Россіи. Только на этомъ пути она соединится духовно и даже органически съ внутренней Россіей въ одно неразрывное цѣлое, несмотря на временныя условія географической отдаленности. Только такъ зарубежная Россія безоспорибно сольется душою съ настроеніями борющагося Русскаго народа, сможетъ дѣйствительно участвовать въ его переживаніяхъ и раздѣлять его стремленія. Тогда возникнетъ увѣренность въ благопріятномъ и единственно достойномъ разрѣшеніи важнѣйшаго вопроса: чтобы въ часъ освобожденія — Россія внутренняя и Россія зарубежная понимали другъ друга, говорили на одномъ языкѣ, были духовно объединены. Историческая задача зарубежной Россіи — быть готовой къ этому моменту; иначе она окажется, несмотря на всѣ свои цѣнные качества, частью, отпавшей отъ своего живого организма. И именно элементъ качественности, которымъ такъ богата эмиграція, долженъ облегчить ей пониманіе внутренней русской динамики и предостеречь ее отъ всякаго малодушія и колебанія, за которое ей въ будущемъ можетъ стать стыдно передъ лицомъ русской исторіи.

На этомъ основномъ идейномъ лозунгѣ, — разъ живая гѣбра стала главной движущей силой, — должна открыто объединиться вся національно и патріотически чувствующая зару-

бежная Россія, несмотря на политическое разномысліе въ ея средѣ. Только такъ она пріобрѣтетъ дѣйствительное значеніе и цѣнность въ своей совокупности — и по отношенію къ внутренней Россіи, и въ глазахъ иностраннаго міра.

Программы политическія, болѣе узкія, партійныя, — непригодны при данныхъ условіяхъ, ибо онѣ все въ той или другой мѣрѣ предрѣшаютъ извѣстныя вопросы, разрѣшеніе которыхъ будетъ зависѣть отъ пожеланій самой освободившейся и воссоединившейся Россіи, сбросившей большевицкое иго собственными духовными и физическими усиліями. Россія со дня своего воскресенія будетъ сознать за собой неоспоримое право и неотъемлемую возможность установленія у себя такихъ условій, которыя для нея явятся вѣрнѣйшимъ залогомъ наиболѣе надежнаго огражденія ея духовныхъ цѣнностей, которыя она познала и пріобрѣла путемъ долгихъ страданій и испытаній подъ большевицкимъ засиліемъ.

Все имѣющіяся между зарубежной и внутренней Россіей связи должно всемѣрно развивать и использовать къ тому, чтобы внутри Россіи знали, что патріотическая эмиграція живетъ со своими страдающими въ Россіи братьями единой мыслью, единымъ порывомъ и главное — единой, абсолютной вѣрой въ грядущее воскресеніе и величіе Родины; — чтобы въ Россіи знали, что несмотря на все наше нетерпѣніе и всю горечь пережитого, мы на чужбинѣ поняли, что основная динамическая сила, необходимая для освобожденія Россіи отъ большевицкаго ига, набирается въ самой Россіи русскимъ народомъ для непреходящей его славы, и что мы, все мѣрно усиливаясь помочь ему въ его борьбѣ, сами не переоцѣниваемъ ни нашей роли, ни нашихъ заслугъ.

Мы увѣрены въ томъ, что именно такова въ общемъ и цѣломъ основа грядущаго всероссійскаго единенія и воссоединенія; что пострадавшій до него, русскій народъ впредь будетъ вдумчиво и бережно обращаться съ національными цѣнностями своего духовнаго и матеріальнаго достоянія; и что на органическомъ фундаментѣ своего великаго прошлаго онъ будетъ строить свое великое будущее совмѣстной дружною работою всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи, гдѣ бы они теперь ни находились.

Г. Г. Бахъ.

КРИЗИСЪ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА.

Постойте! Напередъ узнайте, чѣмъ душа
У васъ исполнена — прямымъ ли вдохновеньемъ,
Иль необузданнымъ однимъ поползновеньемъ...

Пушкинъ.

Мечты людей, какъ сны больного, дики.

Тютчевъ.

Современное искусство переживаетъ глубокой и длительной кризисъ. Разложились его подпочвенныя основы; замутились его источники; оскудѣлъ его духъ. Оно перестало быть источникомъ жизненнаго воздуха и свѣта. Оно не можетъ уже ни строить душу, ни вести ее. Оно уже не призвано къ духовной власти; и если оно проявляетъ еще какую-нибудь силу, то это есть сила паденія и распаденія, сила бродящаго гнѣнія и обсыпанія, сила темной магіи и погибели. Поколѣнію, ищущему духовнаго подъема, расцвѣта и созиданія — это искусство не можетъ ничего сказать, ибо это искусство движется внизъ, по линіи наименьшаго сопротивленія, въ бездну. Творческое поколѣніе отвергнетъ его, и найдетъ себѣ, и создастъ себѣ иное искусство, магическое по благодати, строящее духъ и ведущее душу. —

Есть въ человѣкѣ безмолвная, темная глубина — таинственное жилище его инстинкта и его страстей. Тамъ нѣтъ словъ и мыслей; и произволь дневнаго сознанія тамъ не властенъ. Именно тамъ укрываются первоначальныя, стихійныя силы человѣка, жаждущія простора, но неприванна къ власти; и именно тамъ зарождаются и отстаиваются основныя содержанія человѣческой жизни въ видѣ безформенныхъ глыбъ и неопредѣлимыхъ, безграничныхъ помысловъ. Безпомощно терпя, томясь и страдая, носить человѣкъ въ своемъ безсознательномъ эти силы и вынашиваетъ эти содер-

жанія, смутно оцупая въ себѣ ихъ присутствіе, но не зная, какъ къ нимъ подступиться и что съ ними пачать, не умѣя ихъ очистить, оформить, взростить и одухотворить... — и именно поэтому слишкомъ часто самъ становясь ихъ слѣбнымъ орудіемъ и жертвою. Безвластный и неумѣльный передъ ними, человѣкъ самъ подпадаетъ ихъ власти и вовлекается ими въ ихъ самовольные вихри и бури. И только искусство можетъ помочь ему въ этой бѣдѣ, ибо оно создаетъ творческій исходъ для этихъ содержаній, рождая ихъ изъ глубины, прожигая ихъ зрѣлымъ духомъ и облекая ихъ въ вѣрную форму; и только религія можетъ окончательно вывести человѣка изъ этой безпомощности и этого рабства, вручая ему черезъ молитву подлинную и благодатную власть надъ этими силами.

Въ послѣднемъ и глубокомъ измѣреніи искусство и религія дѣлають единое и главное дѣло: дѣло одухотворенія безсознательнаго, дѣло его обращенія къ Божественному, дѣло его преображенія. Но религія не останавливается подобно искусству на извлеченіи и одухотвореніи отдѣльных, бременящихъ душу содержаній; и воплощеніе ихъ въ звукъ, въ словъ, въ жестъ и въ матерію не составляетъ ея высшей задачи; нѣтъ, религія ищетъ завладѣть самыми истоками безсознательной жизни, ея первоначальнѣйшими силами и имъ придать благодатную одухотворенность; она прямо и непосредственно взываетъ къ духовному естеству человѣческаго инстинкта и стремится увести его на новые пути жизни. И если религія это не удастся, если инстинктъ и его страстные порывы перестаютъ отзываться на религіозные зовы, образы и знаки (молитвы, догматы и обряды), если безсознательное унорно утверждаетъ себя въ безбожии и противодуховности, — тогда наступаетъ религіозный кризисъ въ исторіи человѣчества; тогда жизнь людей постепенно, но неизбежно вырождается вся, сверху до низу, и въ этомъ процессѣ всегда, рано или поздно, обнаруживается безсиліе одинокаго безрелигіознаго искусства: вслѣдъ за религіозностью и оно вступаетъ въ періодъ кризиса и разложенія. Ибо изъ религіозно мертвенныхъ и безбожныхъ нѣдръ безсознательнаго — никогда еще не возникало и никогда не возникнетъ истинное художественное искусство.

Именно въ такой періодъ вступило европейское искусство во второй половинѣ девятнадцатаго вѣка и атмосфера этого кризиса и разложенія захватила и русское искусство (преимущественно поэзію и музыку) четверть вѣка тому назадъ.

Можетъ ли и могло ли быть иначе, если давно уже скудѣть, мутится и разлагается безсознательная духовность въ современномъ человѣкѣ?.. — Напрасно думать, что духовность есть нѣчто сознательное: нѣтъ, глубочайшіе и драгоцѣннѣйшіе истоки духовности лежатъ глубоко въ безсознательномъ; и горе человѣку, въ котормъ воспитатель не сумѣлъ оживить эти источники, очистить ихъ и укрѣпить! Живая духовность есть чувство священнаго и любовь къ Божественному. И если это чувство и эта любовь мертвенно молчатъ въ ирраціональной глубинѣ души, то человѣкъ никогда не испытаетъ ни вѣры, ни молитвы, ни очевидности, ни убѣжденія, ни совѣсти, ни чести, ни патріотизма, ни духъ захватывающей радости отъ воспріятія художественной красоты... Онъ останется за предѣлами художественнаго, мимоидущимъ слѣпцомъ; онъ не восприметъ его и не создастъ его самъ. А то, что онъ создастъ, будетъ жалкой и растлѣнной пародіей на искусство...

Искусство рождается въ глубинѣ безсознательнаго, тамъ, гдѣ самъ человѣкъ теряетъ грани своей личности, уходя въ темень первозданнаго инстинкта, въ таинственное жилище своихъ страстей. И если это жилище не прожжено молніей духа; и если потокъ инстинкта течетъ однѣми черными, духовно не сверкающими водами, — тогда рождается не художественное, а большое искусство. Ибо страсти безъ духа незидительны, а разрушительны; и содержанія ихъ, по самому ихъ естеству, враждебны всѣмъ началамъ художественности.

Бездуховная страсть болѣетъ своею собственной несытостью; она своекорыстна, необуздана, чувственна и извращенна. Она ищетъ наслажденія и бѣжитъ отъ напряженія, труда и муки творчества. Она не желаетъ восходить къ зрѣлой художественности по линіи наибольшаго сопротивленія, но самодовольно и шумливо течетъ внизъ, по линіи наименьшаго сопротивленія. И въ этомъ разнузданномъ и разнуздывающемъ потокѣ своемъ она смызаетъ и уноситъ изъ самаго сознанія — волю къ художествен-

ности, дисциплинирующую энергію, героическую силу отбора и самокритики.

И вотъ, ея безграничныя содержанія перестаютъ стремиться къ зрѣлой формѣ и начинаютъ чуждаться ея; ея страстные, безформенные помыслы уже не желаютъ знать ни мѣры, ни зияющаго ритма, ни цѣльности; законъ имъ отвратителенъ: къ органичности ихъ не влечетъ; къ строительству они неспособны; завершенность имъ недоступна. Дѣти хаоса, они тянутъ къ вѣчному броженію и хаотическому распыленію, — въ бездну...

То «искусство», которое слагается на этомъ пути и выбрасывается изъ нѣдръ бездуховной души, — есть ничтожное, пошлое, мнимое искусство: это — пестрые и безвкусные, праздные обрывки несостоявшагося творенія; это больные выкрики, несущіеся изъ разлагающагося безсознательнаго; это нечистые слѣды нечистаго опьяненія, — явные знаки духовнаго безволія, немощи и распушенности... И сквозь всю эту, обычно напыщенную и самодовольную, претенціозную смуту — лишь тамъ и сямъ всплываютъ безобразныя обломки безобразныхъ замысловъ: какія-то безначальныя чудовища, безстыдные уроды, неестественные выверты и противоестественныя химеры, еще неродившіеся или полураздавленные слизняки...

Искусство это или скверный бредъ? Художественное творчество или растлѣніе духа? Культура или гніеніе?

Не душевная ли болѣзнь?!

Вслушивались ли вы въ то, о чемъ вопить и вскрикиваетъ музыка Рихарда Штрауса, Скрябина и заразившихся отъ нихъ «новаторовъ», куда она васъ тянетъ и чѣмъ она васъ заражаетъ? Слѣдили ли вы за тѣмъ, въ какую духовную смуту, въ какое религіозное растлѣніе вели насъ русскіе предреволюціонные поэты, начиная отъ Блока, Бѣлага, Вяч. Иванова и кончая постыдными именами современной совѣтщины? Вдумывались ли вы въ то мучительное разложеніе живописнаго образа, которое началось лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ во Франціи, которое достигло своего апогея въ бредѣ Пикассо и медленно отравляло молодое поколѣніе русскихъ живописцевъ? Всмотривались ли вы въ современные танцы, гдѣ человѣкъ выплываетъ въ ритмахъ негритянской оргіи безвольную растлѣнность своего безсознательнаго? Чтò это все — искусство или гніеніе? Чтò дѣлается въ безсознательномъ у лю-

дей, которые этому предаются и этимъ наслаждаются? Какія судорожныя и отвратительныя, кощунственныя и сатанинскія гримасы вызываютъ они этимъ въ себѣ? Не духовный ли это недугъ и не душевная ли болѣзнь?

И то, и другое...

Можетъ быть, люди, творящіе «современное» искусство, характерное для нашей эпохи, специфически дразнящее и плѣняющее «современнаго» человѣка съ его религіозной мертвостью, съ его духовнымъ худосочиемъ, съ его первою развинченностью и чувственной возбужденностью. — можетъ быть, люди, творящіе это искусство («модернизмъ»), сами по себѣ, въ обыденной жизни и не помѣшаны; и можетъ быть ихъ, какъ обывателей, и нѣтъ основаній лѣчить въ домѣ умалишенныхъ. Но, какъ «творцы» «искусства»,—они усвоили себѣ установку и укладъ духовно недугующихъ и душевно больныхъ людей; и «искусство», создаваемое ими, есть именно душевно большое искусство: и именно потому оно безпомощно бредитъ на языкѣ больныхъ страстей и безцензурно извергаетъ сырой матеріалъ бессознательнаго, самочинно подпавшійся кверху. Это есть искусство помѣшанное, художественно сумасшедшее, но выдающее себя за нормальное и терпимое проявленіе культуры; болѣе того — за высшее и «пророческое» достиженіе. Но сумасшествіе заразительно: больной или вывихнутый душевный механизмъ передается отъ человѣка къ человѣку на путяхъ незамѣтнаго воспроизведенія и произвольнаго подражанія (напр., «первыя» подергиванія, пляска св. Витта, или всенародное плясовое бѣшенство въ средніе вѣка); и если сумасшедшій обезвреживается именно діагнозомъ и изоляціей, — «это болѣзнь, это опасно, этого не надо воспроизводить!» — то наивно-довѣрчивое восприиманіе сумасшедшаго искусства, какъ «замѣчательнаго» и «высшаго» «художественнаго» «достиженія», дѣлало и дѣлаетъ его истиннымъ орудіемъ духовнаго разложенія. Это искусство духовно растлѣнное и потому растлѣвающее...

Вывѣтрилась религіозность и оскудѣла духовность въ бессознательной глубинѣ современнаго человѣка. И потому въ творчествѣ его обезсилѣлось и исчезло вдохновеніе. Но люди продолжаютъ нуждаться въ искусствѣ и «дѣлать» его. А вдохновенія нѣтъ; и вотъ мѣсто его занимаетъ или печистымъ опьяненіемъ, создающимъ помѣшанное «искусство»,

или разсудочною выдумкою, создающею мертвое, трупное «искусство». Вотъ почему, когда «современное» «искусство» насыщено, то оно насыщено больною нечистью, тою самою нечистью, которая въ политикѣ создала большевизмъ; а когда оно пусто — то эта пустота проникнута запахомъ тлѣнія и гнили, явнымъ свидѣтельствомъ того творческаго безсилія, надъ которымъ такъ легко торжествуетъ міровая смута. Это уже не языкъ озаренія и боговъ, но или языкъ нестыдящейся животности, или языкъ произвольно изобрѣтающаго и безвдохновенно выдумывающаго разсудка; или вопли и судороги больныхъ страстей, или пустой трескъ изощренной и сознательно, нарочно бьющей на эффектъ выдумки.

«Современное» «искусство» перестало быть служеніемъ и притомъ священно-служеніемъ; оно стало забавою, созданною для возбужденія и раздраженія, — не то развратною потѣхою, не то безпринципнымъ промысломъ. Оно творится и расцвѣтаетъ въ атмосферѣ художественной безсовѣстности и духовной безответственности: здѣсь все позволено, что тѣшить несытую страстность или извращенный капризъ автора; здѣсь все допускается, что можетъ ослѣпить, раздражить, развлечь пресыщенную публику...

Въ этой атмосферѣ безпредметнаго «дерзанія» и безпринципной вседозволенности (подлинная стихія міровой смуты!) — слабѣетъ и угасаетъ великое начало художественнаго Вкуса. Не того «вкуса», который присущъ каждому обывателю, когда онъ для себя безапелляціонно рѣшаетъ вопросъ о томъ, что ему сегодня, сейчасъ и здѣсь правится, и что ему вдругъ почему-то разоправилось... Но того Вкуса, который равносильнъ въ искусствѣ голосу совѣсти; который отвѣтственно ищетъ совершеннаго, и именно потому властно отмечаетъ случайное и несовершенное, какъ бы «пріятно», льстиво и эффектно оно ни было; того Вкуса, который ищетъ во что бы то ни стало точнаго и прекраснаго воплощенія для духовно значительной темы; который есть самъ по себѣ явленіе живой религіозности въ челоувѣкѣ; который, какъ властелинъ, стоитъ на стражѣ поднимающихся снизу воспаленій, отдаваясь однимъ и отсылая другія назадъ въ темную глубину...

Этот Вкусъ есть самъ по себѣ и трибуналь безсознательной духовности, и религиозное вдохновеніе, и напряженно-требовательная воля, и творчески выбирающая цензура, и по-нуждающая сила, и художественная прозорливость, и чувство прекраснаго. И если онъ есть воля, — то воля къ духовной значительности создаваемаго творенія, къ его органическому единству, къ его естественности, и художественной законченности. И если трибуналь — то это тотъ самый трибуналь, передъ лицомъ котораго чувствовалъ себя двадцатичетырехлѣтній Пушкинъ, когда онъ, негодуяще отвергая грубую поправку цензора, восклицалъ: такъ «я не властенъ сказать, я не должепъ сказать, я не смѣю сказать!..» —

Гдѣ эта совѣсть у современныхъ «искусителей» и «искусниковъ»? Гдѣ эта вѣрность художественному долгу, это острое чувство своей художественной власти и ея предѣловъ, это сознание того, что эстетически-песовершенное — преступно передъ голосомъ нѣкоего судіи?! Такъ, художественный гений — есть сразу подсудимый и судія, «всѣхъ строже» умѣющій цѣнить свой трудъ... И его творчество есть служеніе; а его служеніе есть «священная жертва» зовущему Богу... И именно поэтому его искусство не знаетъ ни личной похоти, ни холодно кощунственной выдумки... Гдѣ это все въ «искусствѣ» модернизма?..

Кризисъ «современнаго» «искусства» состоитъ въ томъ, что оно утратило доступъ къ главнымъ, священнымъ содержаніямъ жизни и погасило въ себѣ художественную совѣсть. О главномъ, о священномъ, о мудромъ — современному искусству нечего сказать; ибо тѣ, кто его «творятъ», — не испытываютъ, не воспринимаютъ, не видятъ этого Главнаго. Но именно поэтому «современное» «искусство» — или просто удовлетворяется ничтожнымъ и пошлымъ (модернистическая живопись, французскіе романы, поэзія Сѣверянина, беллетристика Бѣлаго, новая архитектура южно-германскихъ городовъ, подавляющее большинство кинематографическихъ пьесъ, музыка Стравинскаго и Прокофьева), или же пытается выдать свои созданія за какія-то высшія «пророческія» прозрѣнія и достижения, по хлыстовски смѣшивая блудъ и религію (поэзія Блока и Иванова,

«экстазы» и «мистеріи» Скрябина и другое). Читая это, слушая это, видя это — нельзя не испытывать чувства стыда и тоски: мучительно стыдно, что они не стыдятся «творить» такъ и такое, что они сознательно и открыто не постѣснились погасить въ искусствѣ тотъ священный трибуналъ Духа и Вкуса, который въ душѣ помѣшаннаго угасаетъ невольно, катастрофически, вслѣдствіе напора безвыходно кипящихъ страстей...

Поистинѣ большевицкая революція осуществила въ имущественныхъ, государственныхъ и общекультурныхъ отношеніяхъ, именно то самое упоение вседозволенностью, именно тотъ самый бредъ страстей и похоти, именно ту самую идеализацію грѣха, именно то самое разнузданіе инстинкта, которое въ искусствѣ осуществляло у насъ это предреволюціонное поколѣніе «модернистовъ». И большевицкое искусство, начиная отъ Мейерхольда и кончая Шершеневичемъ и Маяковскимъ — только довершило по своему все это разложение и проявило этотъ кризисъ съ вызывающимъ безстыдствомъ сущаго помѣшательства.

Быть можетъ весь этотъ разливъ предреволюціоннаго модернизма, дѣйствительно «пророчески» предвосхищавшаго грядущее всеобщее революціонное разложение страны, не достигъ бы такого размѣра и глубины, если бы у насъ стояла на высотѣ художественная критика. Но художественная критика или отсутствовала, или страдала тою же духовною слѣпотою и тѣмъ же извращеніемъ вкуса: не было мужественныхъ прозорливцевъ, не было сильныхъ и глубокихъ судей, которые вскрыли бы этотъ недугъ, разоблачили бы его опасную и гибельную сущность, пригвоздили бы всю нецензурность и соблазнительность этого мнимаго, этого помѣшаннаго «искусства». И понятно, что слѣпота или потаканіе профессиональной критики оставляла въ беспомощности или повергала въ прямой соблазнъ читающаго и слушающаго обывателя. Въ искусствѣ царилъ своего рода психозъ безвкусіа, извращенія и претенціозности; и этотъ психозъ, предвывая ближайшія судьбы Россіи, распространялся безпрепятственно, постепенно пріучая людей не поддерживать своего духовнаго хребта и не дорожить имъ, предаваться всѣмъ соблазнамъ, принимать въ серьезъ всѣ свои

капризы и выверты, и, осыпаясь въ бездну по линіи наименьшаго сопротивленія, наслаждаться этой «художественной» психастеніей, т. е. душевнымъ разслабленіемъ...

Всякое произведеніе искусства — указываетъ людямъ извѣстный путь; оно ведетъ и учитъ. Такъ обстоитъ всегда, независимо отъ того, хотѣлъ самъ художникъ кого-то «вести» и чему-то «учить», или не хотѣлъ; и это «ученіе» и «водительство» обычно осуществляется тѣмъ вѣрше и проникаетъ тѣмъ глубже, чѣмъ меньше оно входило въ намѣренія художника, чѣмъ меньше парочитости и тенденціозности, чѣмъ больше самозабвенности и непосредственности отразилось въ самомъ произведеніи. Изобразилъ ли авторъ прозрачность и покой, или тревогу и смятеніе; проиѣлъ ли онъ о цѣломудріи и любви, или объ утратѣ и скорби — онъ вдвинулъ этимъ въ душу зрителя и слушателя, въ его воображеніе, въ его чувство, въ его внутренній опытъ вмѣстѣ со словами, образами и звуками — и самый предметъ свой (покой, или смятеніе, или цѣломудріе, или скорбь). Онъ какъ бы влилъ ихъ въ его душу, приобщилъ ее къ нимъ, заставилъ ее зажить ими; онъ какъ бы научилъ душу стать прозрачною или смятенною, онъ какъ бы повелъ ее къ утратѣ и скорби. Чѣмъ художественнѣе произведеніе, тѣмъ больше его покоряющая и заражающая, его ведущая и учительная власть. И понятно, что духовно значительное искусство воспитываетъ человѣка и строить его духъ, а духовно ничтожное и растлѣнное искусство — развращаетъ человѣка и разлагаетъ его духъ, и притомъ тѣмъ болѣе, чѣмъ угодливѣе и льстивѣе, чѣмъ эффектиѣе и «опьянительнѣе» его проявленія...

По сказанію древнихъ грековъ, музыка Орфея была такъ прекрасна и гармонична, она обладала такою логическою и зидущою силою, что отъ звуковъ ея сами собою сложились стѣны его города. Истинное искусство всегда подобно музыкѣ Орфея: ибо ему присуща магическая и благодатная сила, строящая духъ, а не разлагающая его. Художественное искусство, заслуживающее своего имени, есть нѣчто отъ духа и для духа; а духъ имѣетъ свой ликъ, свои грани и стѣны, свои законы и ритмы, свои требованія, свою силу и свою мудрость. Пока человѣкъ будетъ скитаться по землѣ, любить и

страдать, трудиться и бороться, онъ будетъ закрѣплять въ искусствѣ тайныя мечты и прозрѣнія своего сердца, и искать въ художественныхъ образахъ — радости, цѣленія и умудренія. Но только духовная мечта будетъ давать ему радость и цѣленіе; и только духовное прозрѣніе будетъ его цѣлить и умудрять. Ибо бездуховное и противодуховное искусство сѣтъ лишь соблазнить, расслабленіе и заразу. И когда мы видимъ пынѣ, какъ пали на нашихъ глазахъ градскія стѣны русскаго духа, какъ исказился ликъ Россіи, какъ извратились законы и ритмы ея жизни — мы должны видѣть и разумѣть, что произошло это отъ разложенія и расслабленія въ насъ безсознательной духовности.

Русскій художественный гений не угасалъ и не переставалъ творить за эти годы предреволюціонной и революціонной смуты. Съ нами вмѣстѣ, и здѣсь, въ зарубежьи, и тамъ, въ подъяремьи — онъ продолжалъ жить, страдать и творить на всѣхъ путяхъ и языкахъ искусства. Но слышимъ ли мы его? Узнаемъ ли мы его? Научились ли мы отличать художественное отъ гнилостнаго, великое отъ пошлаго, цѣлительное отъ погибельнаго, мудрость отъ соблазна? Или намъ нужны еще очистительныя испытанія и страданія?

Умудрится же и научится! Россіи нуженъ духъ чистый и сильный, огненный и зоркій. Пушкинымъ опредѣляется онъ въ нашемъ великомъ искусствѣ; и его завѣтами Россія будетъ строиться и дальне.

И. А. Ильинъ.

ВЫ НАШИ БРАТЬЯ!

(Открытое письмо къ оставшимся русскимъ патриотамъ *).

Мы не судимъ васъ и не осуждаемъ. Мы знаемъ, какое бремя вы несете и знаемъ, что исторія оцѣнитъ ваши заслуги передъ Россіей. Вы любите родину, вы страдаете отъ ея разложенія и униженія, и служите ей; — съ насъ этого довольно, мы вѣримъ вамъ. Вы наши братья! И никто не поставилъ насъ судьями, чтобы судить васъ, нашихъ братьевъ...

Историческая трагедія, разложившая и унижившая нашу родину, разлучила насъ съ вами и разметала насъ по всему міру. Вы правы:—нельзя было, не надо было всѣмъ покидать свое мѣсто, уходить на окраины или эмигрировать. Наивно думать, что всѣ люди способны къ активному героизму, къ мечу, къ заговору, къ исповѣдничеству. Каждому свое дѣло; съ cadaго по способностямъ. И устарѣвшій укоръ, обращенный къ «оставшимся» («зачѣмъ не ушли»), относится къ эпохѣ минувшей гражданской войны. Надо было не только уходить; надо было и оставаться. И вѣрьте, что мы научились цѣнить вашу пассивный героизмъ, реально, изо дня въ день изживающій въ лишенияхъ и униженіяхъ вынужденной терроромъ лояльности — тотъ строй, который намъ не удалось доселѣ сбросить.

Но поймите и вы насъ. Не думайте о насъ того, что внушаютъ вамъ наши враги. Вѣрьте намъ такъ, какъ мы вѣримъ вамъ. И тогда намъ будетъ легче переносить нашу жизнь среди чужихъ народовъ и легче будетъ бороться за Россію.

Да, намъ не удалось доселѣ сбросить этотъ строй. Но исторія еще движется и время работаетъ на Россію и на насъ. Мы не сложили руки; мы не забыли

*) Отвѣтъ на письмо «Прибывшаго оттуда», см. «Русскій Колоколь», № 1.

свой долгъ. Насъ не тридцать тысячъ. Насъ около милліона. Мы разбросаны и разсѣяны; мы въ огромномъ большинствѣ нуждаемся, даже бѣдствуемъ, прокармливаемся съ трудомъ и ведемъ чернорабочую жизнь. Среди насъ есть и утомленные обыватели; есть и малодушные; есть и отдѣльные перебѣжчики; гдѣ и когда ихъ не было? Но въ общемъ и цѣломъ мы живемъ однимъ — Россією, ея освобожденіемъ, нашимъ грядущимъ возвращеніемъ и нашей будущей совмѣстной съ вами работой надъ ея возсозданіемъ.

Намъ тяжело жить на чужбинѣ. Труденъ заработокъ; трудно воспитывать дѣтей; трудна и горька всяческая личная зависимость; но тяжеле всего и горше всего — чувство нашего національнаго униженія и сознаніе того, что именно наши поколѣнія не сумѣли уберечь Россію...

Мы не «бѣженцы» и не «конченные люди»; мы не потеряли сердца и воли, и не разложились духовно. Наше пребываніе въ эмиграціи имѣетъ государственный и духовный смыслъ и мы сознаемъ это: оно служить Россіи и мы всегда это помнимъ.

Въ своей борьбѣ съ коммунистическимъ поработеніемъ Россія нуждается въ свободномъ дыханіи, въ непоработенныхъ силахъ, въ независимомъ голосѣ, въ активномъ и инициативномъ зарубежномъ меньшинствѣ. Россія нуждается въ культурномъ, духовномъ и политическомъ представительствѣ среди другихъ народовъ, которые должны имѣть передъ собою ея истинный національно-государственный ликъ и помнить о томъ, что «союзъ социалистическихъ республикъ» не есть Россія и никогда ею не станетъ!

Мы блюдемъ здѣсь русскую вѣру, русскій бытъ, русскій духъ, русскій кадръ. Мы растимъ и обучаемъ новое поколѣніе вѣрныхъ и національно мыслящихъ русскихъ патріотовъ. Мы сами многое передумали и во многомъ до глубины обновились. Мы уже не прежніе, заносчивые и радикальные интеллигенты, безвѣрные и безнаціональные, отравленные республиканствомъ, социализмомъ и интернаціонализмомъ. — честолюбивые въ личныхъ дѣлахъ и сентиментально-безвольные въ государственныхъ... Но мы также и не прежніе жадные и озлобленные реакціонеры, боящіеся за свое имущество и пре-

зирающіе русскій простой народъ... Мы выше всего ставимъ родину, ея духовное величіе и ея хозяйственный расцвѣтъ. Страданіями, вѣрностью и служеніемъ мы искупаемъ свои ошибки. И за вѣрность, и за служеніе — мы съ своей стороны готовы забыть всё въ прошлыя ошибки и паденія...

Съ кѣмъ бы мы ни соприкасались изъ иностранцевъ, мы считаемъ своею обязанностью разъяснять имъ сущность русской революціи, ея противорелигіозную и разрушительную природу, ея духовную и хозяйственную противоестественность, ея заразительность, ея міровую опасность; и побуждать ихъ къ тому, чтобы они никакъ и ничѣмъ не содѣйствовали поработителямъ Россіи. Не думайте, что это дѣло легкое и простое. Въ большинствѣ странъ, какъ всегда послѣ трудной войны, имѣется утомленіе, безволіе, политическая близорукость, узкій эгоизмъ и какая-то легкомысленная безбечность. Каждая страна ограждаетъ себя и лишь съ трудомъ разумѣетъ международную солидарность. И ни одна не заинтересована по настоящему въ возрожденіи Россіи... Всѣ признаютъ нашу культуру... и почти всѣ опасаются нашей грядущей силы!..

Все это мы видимъ и понимаемъ. Но это вызываетъ въ насъ не уныніе и не растерянность, а лишь болѣе отчетливое, болѣе острое сознаніе лежащихъ на насъ обязанностей. Мы русскіе должны помочь себѣ сами; тогда намъ помогутъ и другіе. Мы знаемъ, что сильному часто помогаютъ охотнѣе, чѣмъ слабому: ибо имущему дается, а у неимущаго отнимается...

Но понимая нашъ долгъ, мы понимаемъ и наши опасности. Ихъ три.

Первая — отрывъ отъ внутренней русской жизни: намъ грозитъ неосвѣдомленность, непониманіе, утрата чувства реальности, оперированіе съ воображенными величинами. Мы постоянно помнимъ эту опасность, боремся съ нею и боремся успешно. Недаромъ наши экономическіе и политическіе анализы вызываютъ гнѣвъ коммунистовъ: эти анализы вѣрны и точны, хотя мы упорно избѣгаемъ переписываться съ тѣми, кто внутри Россіи, и не пользуемся «экономическимъ шпионажемъ»...

Вторая опасность — это смѣшеніе Россіи съ ея совѣтско-коммунистическимъ строемъ: изъ-за вражды къ коммунистамъ

мы не можемъ и не должны упускать изъ вида національные, въ чью бы интересъ самой Россіи. Для погубленія ея враговъ нельзя губить ея собственную сущность и естество; нельзя безоглядно усвоивать принципъ: «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше»; нельзя впадать въ плоское и злорадное пораженчество. Напротивъ, ударяя по коммунистамъ, мы всегда должны помнить и ограждать интересъ нашей родины. Мы знаемъ эту опасность и, помня о ней, мы всегда провѣряемъ свои сужденія и рѣшенія.

И третья опасность наша — это озлобленіе и жажда мести, чувства, которыя казалось бы могли бы быть столь естественными у все потерявшихъ изгнанниковъ. Но и эта опасность преодолѣна нами. Испытанія были слишкомъ велики; крушеніе Россіи было слишкомъ трагично; любовь къ родинѣ и тоска по ней слишкомъ глубоки въ насъ для того, чтобы въ душахъ удержались мелкая злоба и мстительныя намѣренія. Есть среди насъ озлобленные; но они одиноки. Есть, можетъ быть, и мстительныя натуры; но эти люди никого за собою не ведутъ и вѣса не имѣютъ. Мы, зарубежныя русскіе патріоты — не живемъ злобою и о мести не мечтаемъ.

Да, мы враги коммунизму и коммунистамъ; враги до конца. Между нами и ими не можетъ быть ни компромисса, ни примиренія. Ибо мы считаемъ весь замыселъ ихъ и всю ихъ дѣятельность — кощунственными, противоестественными и для Россіи гибельными; мы считаемъ, что они во вѣсѣхъ своихъ намѣреніяхъ и планахъ приносятъ русскій національный, всенародный и простонародный интересъ въ жертву темнымъ и порочнымъ цѣлямъ враждебныхъ нашей родинѣ организацій. Исторія однажды раскроетъ корни этихъ организацій и назоветъ ихъ по имени. А мы за эти десять лѣтъ измѣрили до дна ихъ свирѣпую ненависть къ Россіи.

Но мы остро и зорко отличаемъ соблазнителя отъ соблазненнаго, свирѣпаго вожака отъ довѣрчиваго слѣнца, сильнаго злодѣя отъ слабого обывателя, интернаціоналиста отъ патріота. Мы хорошо знаемъ съ кѣмъ мы боремся; мы знаемъ, кто заслуживаетъ непримиримости, кто — прощенія, а кто — братскаго состраданія и уваженія. Мы освѣдомлены больше, чѣмъ кто-нибудь думаетъ. И если мы ведемъ нещадную борьбу съ

коммунистами, то всей некоммунистической Россіи мы несемъ миръ, прощеніе личныхъ обидъ, забвеніе личныхъ потерь и искреннее, патріотическое братство: примиреніе и воссоединеніе. Но и рядовыхъ коммунистовъ нещадная борьба ждетъ лишь до тѣхъ поръ, пока они будутъ отстаивать свою безумную и преступную затѣю, пока они не одумаются, не отрезвятся и не вольются покаянно въ русское національное дѣло. Въ Россіи есть мѣсто и будетъ мѣсто всѣмъ ея сынамъ — и обратившимся, и передумавшимъ, и научившимся въ суровомъ опытѣ. Нѣтъ мѣста только ея врагамъ; нѣтъ — и не будетъ.

Мы хотимъ вернуться въ Россію не «революціонерами» и не «контръ-революціонерами»: а просто ея вѣрными сынами, ея строителями и блюстителями. Мы не «революціонеры», которые изъ честолюбія и вздорной химеры разрушаютъ и разлагаютъ страну; и отъ этого ожидаютъ «всеобщаго счастья». Но мы и не «контръ-революціонеры», одержимые жадностью и злобою, которые только и думаютъ о томъ, чтобы поставить все на старое мѣсто, возстановить разрушенное, взыскать убытки и отомстить всѣмъ бунтовавшимъ. Такъ рисуютъ насъ коммунисты. Не вѣрьте имъ! Это клевета, которая нужна имъ для того, чтобы напугать насъ и раздѣлить насъ съ вами. Намъ дорога Россія, ея величіе и ея расцвѣтъ, а не «старые порядки». Мы твердо знаемъ, что время уноситъ все безвозвратно; что исторія не повторяется; что замученные и умершіе не встанутъ изъ гробовъ и что въ Россіи только и можетъ быть новый порядокъ. Но пусть же онъ будетъ лучшимъ и справедливымъ порядкомъ, который освобождаетъ всѣ благія силы народа и сковываетъ всѣ его злыя силы!..

Передъ лицомъ нашей національной трагедіи, передъ лицомъ нашего грядущаго возрожденія мы твердо и честно выговариваемъ: ни сословные и классовые предразсудки, ни партійныя пристрастія не владѣютъ нами! Россія нуждается не въ новой гражданской войнѣ и не въ новомъ — имущественномъ передѣлѣ. Россія нуждается въ томъ, чтобы возникла новая національная и патріотическая власть, которая положила бы конецъ всяческому коммунизму и очистила бы страну отъ ея враговъ и вредителей; которая покрыла бы всеобщей амнистіей преступления и ошибки революціоннаго вре-

мени; положила бы въ основу новой Россіи начала чести, справедливости, заслуги и собственности; закрѣпила бы твердой рукой законный порядокъ и возсоздала бы духовное, хозяйственное и военное могущество нашей родины.

Это задача не «революціонная» и не «контръ-революціонная»; это задача органическая, строительная и національная. И ей мы хотимъ служить патріотически и за совѣсть. И во имя ея мы желаемъ сверженія коммунистическаго ига.

Такъ мы судимъ и отвергаемъ коммунистовъ. Но мы не судимъ и не осуждаемъ никого изъ васъ, оставшихся въ Россіи русскихъ патріотовъ; мы знаемъ, къ какимъ компромиссамъ вы были вынуждены, и горько скорбимъ о томъ, что намъ не удалось своевременно избавить васъ отъ этихъ компромиссовъ. Мы знаемъ, что вы были вынуждены стать въ отношеніе «лояльности» къ совѣтской власти, не судимъ и не осуждаемъ васъ и за это. Мало того; мы хотѣли бы, чтобы вы знали, что мы любимъ васъ какъ братьевъ и страдальцевъ; и что мы мечтаемъ о нашей грядущей совмѣстной съ вами работѣ въ Россіи.

Одно важно: вы должны сами знать и помнить, что ваша лояльность — недобровольная, а вынужденная; вынужденная голодомъ, моральною пыткой и прямыми угрозами. За изъясненіе такой лояльности — нельзя судить и осуждать; но ей нельзя придавать и связующаго значенія! Въ послѣднемъ, религіозномъ и совѣтскомъ измѣреніи — она не имѣетъ ни вѣса, ни цѣны. Она — нравственно и патріотически ничтожна! Она не связываетъ васъ. Внутри, наединѣ съ собою, передъ лицомъ Божиимъ — не вѣрьте ей! Подумайте только — ужели вы предъ Богомъ обязались почувствовать всѣмъ свирѣностямъ, всѣмъ низостямъ, всѣмъ преступленіямъ коммунистовъ? ужели вы предъ совѣстью вашею дали клятву содѣйствовать распространенію міровой заразы и духовнаго растлѣнія? ужели вы патріотически обязаны губить Россію во имя коммунистической химеры и всеобщаго грабежа? Нѣтъ, нѣтъ! Слова и «служба» — одно; а святилище сердца и совѣсти — другое. Берегитесь же, чтобы звуки вынужденныхъ словъ не осѣдали въ вашемъ сердцѣ: чтобы формальная

служба не превращалась въ служеніе; чтобы совѣтскія «подписки» и «анкеты» не полонили незамѣтно ваше чувство чести, къ которому онѣ не имѣютъ никакого отношенія! Блюдите въ вашей душѣ священную увѣренность въ томъ, что совѣтское правительство никогда не станетъ вашимъ, русскимъ правительствомъ; что его интересъ, противоположный интересу Россіи — никогда не станетъ вашимъ за совѣсть.

Мы знаемъ, сколь мучительна эта систематическая ложь и какъ опасно не выдержать ее, согнуться, привыкнуть и начать примиряться съ властью сатаны. Но это бремя есть необходимая часть того бремени, которое вы несете для Россіи и за Россію. Разъ пойдя на вынужденную ложь, помните, что это — ложь; не вѣрьте ей сами. Помните: разъ повѣривъ ей — вы неизбежно повѣрите всей той сатанинской лжи, въ которой нынѣ задыхается національная Россія; и тогда ложь сатаны неизбежно поглотитъ васъ. Несите это бремя раздвоенія личности; и ищите укрѣпленія и утѣшенія въ религіи. Исторія заставляетъ васъ стать непроницаемыми по отношенію къ злодѣямъ. Берегите эту непроницаемость; не бойтесь этой «неискренности»: она служить Россіи. Пусть душа ваша будетъ безусловно прозрачна передъ Богомъ и искренна со своей совѣстью; но пусть замкнется она отъ Божіихъ враговъ. Помните: спасти Россію смогутъ только неповѣрившіе до конца!

Крѣпитесь же до конца. Не удручайте себя безплодными угрызеніями и не затѣвайте неумѣлыхъ и безнадежныхъ заговоровъ. Да, для заговоровъ нуженъ особый закалъ души, особое техническое умѣніе, твердость воли и безошибочный расчетъ. Для этого нужна особая подготовка. И это дѣло своевременно сдѣлають тѣ, кто къ нему подготовился. А вы храните живую готовность поддержать сочувствіемъ и хотя бы душевнымъ откликомъ всякое благое начинаніе.

Будьте увѣрены въ томъ, что исторія оцѣнитъ пассивный героизмъ вашей лояльности. А мы останемся до конца не-лояльными, свободными и непримиримыми; пока не придетъ день сверженія.

ВЕЛИКІЕ СТРОИТЕЛИ РОССИИ.

Старая жизнь Москвы, какъ государства, имѣла свой крѣпкій, русскій укладъ, въ которомъ были заложены опредѣленныя идеи и въ которомъ жили и дѣйствовали живые люди. Вскрывая эти идеи и возстановляя жизнь этихъ людей, историкъ даетъ матеріалъ, въ который долженъ всматриваться строитель новой жизни, отдѣляя въ этомъ матеріалѣ то, что отжило, какъ пожелтѣвшій осенній листъ, и запоминая то, что и впредь должно жить какъ необходимый элементъ самаго «древа» народной и государственной жизни, исторически выросшаго изъ своихъ корней. Настоящіе очерки должны дать читателю частицу такого матеріала, сосредоточивая его около именъ наиболѣе замѣчательныхъ дѣятелей нашего родного историческаго прошлаго.

1. Митрополитъ Макарій.

Передъ нами Москва середины XVI столѣтія. Процессъ собиранія отдѣльныхъ, не объединенныхъ, или еще слабо соединенныхъ съ Литвою, русскихъ земель закончился, и передъ Москвою вставала задача объединенія всего русскаго міра, а уже не разрозненныхъ княжествъ и земель. Московскій князь-вотчинникъ выступаетъ, какъ нарождающійся носитель національной властью надъ Русью, освобождающейся отъ татарскаго ига и какъ обладатель наслѣдія «царя»-императора Византіи, Новаго Рима, какъ глава Третьяго Рима, послѣ котораго «четвертому не быть» по ученію московскихъ идеологовъ. Наслѣдникъ «пращюра» своего св. Владиміра, московскій князь, со времянь Ивана III и Василія III, уже заявлялъ: «вся Русская Земля отъ прародителей нашихъ наша вотчина». Москва, какъ рождающееся государство всего русскаго народа, начинала выходить и на арену европейской политики въ своихъ иностранныхъ сношеніяхъ.

Въ то же время Русская Церковь завершала выработку своей самостоятельности и мирового значенія, приближаясь къ формальному ихъ признанію провозглашеніемъ Московскаго и всея Россіи патріархата, совершившимся черезъ нѣсколько десятилѣтій, въ 1589 году. Русская Церковь именно въ эту эпоху сознавала, опредѣляла и закрѣпляла свои русскія особенности. Задачи власти, государственной и церковной, становились громадными и сложными, выростая естественно, эволюціонуя въ развивавшейся и осложнявшейся жизни Московскаго княжества, которое превращалось уже въ «государства Россійскаго Царствія». Эти разраставшіяся задачи требовали дѣятелей, способныхъ подняться на ихъ высоту. И старая Москва смогла выдѣлать такихъ дѣятелей изъ богатыхъ запасовъ силъ русскаго народа. Однимъ изъ нихъ былъ митрополитъ Макарій.

Гдѣ, въ какомъ городѣ или селеніи Русской Земли, онъ родился и чьимъ сыномъ былъ? Этого мы не знаемъ, какъ не знаемъ точно и времени его рожденія—вѣроятно въ 1481 или 1482 году. Какъ очень большое число русскихъ дѣятелей стараго времени, онъ является для потомства просто русскимъ человѣкомъ, простымъ «трудникомъ» Русской земли, безъ того себялюбиваго интереса къ своей личности, который копить притязанія на память потомства данныя и переживанія личной жизни. Макарій принялъ монашество въ Пафнутьевскомъ Боровскомъ монастырѣ, въ нынѣшней Калужской губерніи. Позднѣе — онъ архимандритъ Можайскаго Лужковскаго монастыря, извѣстный какъ знатокъ Св. Писанія, — «дана ему бысть отъ Бога мудрость въ божественномъ Писаніи». Въ 1526 году возведенъ на Новгородскую архіепископскую кафедру, на которой проявилъ себя выдающимся пастыремъ, организуя церковную жизнь и бывъ тамъ «людямъ заступленіе велие». Уже тогда «многіа ради его добродѣтели въ всей Россіи слава о немъ происходаше».

Въ серединѣ марта 1542 года архіепископъ Макарій былъ нареченъ соборомъ епископовъ въ митрополита и поставленъ на митрополию «матери градовъ Москвы». Это совершилось въ годы боярскаго правленія за малолѣтствомъ Ивана IV, когда шла борьба за власть среди окружавшихъ юнаго великаго князя бояръ, послѣ низложенія одного за другимъ двухъ митрополитовъ (Даніила и Юасафа), когда колебался самый авто-

ритеть носителя высшей церковной власти, когда центръ Московскаго государства являлъ собою арену интригъ неразборчивыхъ въ средствахъ властолюбцевъ, а московскія области отдавались произволу ихъ «клеветовъ». и когда не только окраины, но и не такъ далекія отъ самой Москвы земли, были подъ угрозою ви́шнихъ враговъ. особенно татаръ, со все́мъ ужасомъ татарскихъ набѣговъ, съ ихъ опустошеніями и пожарами, съ продажею въ далекое рабство тысячъ полоненныхъ русскихъ людей.

Совершенно ясно, что первую заботою Макарія и въ интересахъ Церкви, и въ интересахъ Земли. былъ великій князь, вотчинникъ Московскаго государства, и охрана «православнаго христіанства», — его народа. Иванъ IV погибалъ, какъ человекъ, въ грубыхъ забавахъ того суроваго вѣка. толкаемый въ нихъ правившими его именемъ властолюбцами, ради отвлеченія его вниманія отъ своихъ дѣлъ. 12 декабря 1546 года шестнадцатилѣтній Иванъ вернулся въ Москву изъ поѣздки по селамъ, послѣ развлеченій, которыхъ онъ тамъ искалъ. И 13-го уже декабря Макарій имѣетъ совѣщаніе съ великимъ княземъ. Его результаты: рѣшеніе Ивана вступить въ бракъ, а предварительно вѣнчаться на царство. Съ этого момента Макарій на все время своей дальнѣйшей жизни, всталъ за Иваномъ IV, за своимъ «о Святѣмъ Дусѣ сыномъ и господиномъ», какъ крѣпкая опора въ его внутренней борьбѣ съ самимъ собою, какъ его совѣтникъ въ дѣлахъ жизни и правленія.

Зачѣмъ и почему Макарій выдвинулъ царское вѣнчаніе, рядомъ съ бракомъ Ивана IV? Не только потому, что Московское княжество уже выросло къ этому времени въ своемъ ви́шнемъ могуществѣ и идейномъ содержаніи, и стало царствомъ, но и для того, чтобы спасти юнаго великаго князя какъ человека, поднять его на такую высоту, которая заставитъ его самого подняться на нравственную «степень»: ибо Богъ освятитъ его санъ и власть, но даруя ему ихъ, возложитъ на него за нихъ и отвѣтственность, какъ за врученные ему Богомъ.

16 января 1547 года въ Московскомъ Кремлѣ, въ Успенскомъ Соборѣ, «первопрестольной великой соборной апостольской церкви Пречистыя Богородицы», празднично украшенной, впервые совершилось царское вѣнчаніе, съ возложеніемъ «царскаго сана» (бармы, вѣнецъ, скипетръ). вмѣстѣ со

«святымъ животворящимъ крестомъ», на «великаго государя», съ молитвою митрополита, начинавшееся словами: «Господи Боже нашъ, Царь царствующимъ и Господь господствующимъ, иже Самоиломъ Пророкомъ избра раба Своего Давыда и помазавъ того во цари надъ людьми Своими израильтяны...»

Ко вновь явленному русскому царю Макарій обратился съ назидательнымъ словомъ, и это слово стало основою, изъ которой исходили все послѣдующія поученія русскихъ іерарховъ вѣнчаемымъ царямъ «Превеликой Россіи». «Се отъ нынѣ поставленъ еси. Князь Великій, Боговѣнчанный Царь правити хоругви и содержати скипетръ великаго Царства Россійскаго и вѣнчанъ еси симъ царскимъ вѣнцемъ по благодати Святаго Духа и милости Пресвятыя Богородицы...», говорили эти слова. Какія же требованія предъявляла Русская Церковь къ царю? Первое изъ нихъ: «имѣй страхъ Божій, то бо есть начало всему благому... Также, сохрани вѣру христіанскую греческаго закона чисту и непоколебиму и соблюди царство свое чисто и непорочно, яко зѣницу ока». За этимъ слѣдуетъ второе: люби «братію свою по плоти»: бояръ «помилуй и береги», къ своему «христіанскому воинству буди пристуненъ и милостивъ и привѣтенъ по царскому своему сану и чину; всехъ православныхъ христіанъ блюди и жалуй и попеченіе о нихъ имѣй отъ всего сердца; за обидимыхъ стой царски и мужески, и не попускай и не давай обидити ихъ не по суду и не по правдѣ — сего бо ради, царю, пріялъ еси правити хоругви великаго Царства Россійскаго, и разсуди и прави люди твоя въ правду».

Царь получаетъ «державу» и «силу» отъ Бога, но самъ онъ имѣетъ надъ собою Царя, «иже на небеси». И этотъ Царь говоритъ словами Писанія поставляемому Имъ земному царю: «да не оправдиши нечестиваго мзды ради, не сотвори неправду въ судѣ, яко судъ Божій истиненъ есть... Вамъ глаголю, цари, утѣшайте скорбящихъ, избавляйте обидимаго отъ сильныхъ руки, сіи бо отъ богатыхъ подаваемы притекають къ вамъ, яко къ заступникамъ». Обращаясь къ царю, Русская Церковь взываетъ: «возмогай, о православный царю, и паки возмогай, да наслѣдникъ будеши Небеснаго Царствія со всеми святыми православными цари. да возможеши со дерзновеніемъ реци во

второе пришествіе Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа: се азъ, Господи, и люди Твоя, яже ми еси далъ, великаго Твоего Царства Россійскаго».

Пусть всё эти святые мысли и поученія Русская Церковь уже давно хранила въ своихъ иѣдрахъ; пусть они были сведены въ систему къ этому времени такъ называемыми «осифлянами» и ихъ главою, преп. Іосифомъ Волоцкимъ; — въ торжественной обстановкѣ царскаго вѣнчанія они были высказаны митрополитомъ Макаріемъ и стали съ тѣхъ поръ завѣтомъ, который Русская Церковь бережно передавала всѣмъ послѣдующимъ царямъ «Превеликой Россіи», хотя и не въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ, которыя сошли съ устъ Макарія.

Что долженъ былъ пережить Иванъ IV во время своего царскаго вѣнчанія! Здѣсь былъ переломъ въ его личной жизни и начало того блага, которое было принесено имъ русскому народу въ первую половину его царствованія, когда онъ не сталъ еще «Грознымъ», въ томъ смыслѣ, который обычно придается этому обозначенію со времени «злой опричнины». Но онъ была введена уже послѣ смерти митрополита Макарія, о которомъ самъ царь потомъ вспоминалъ такими словами: «о Боже! коль бы счастлива Русская Земля была, коли бы владыки тацѣ были, яко преосвященный Макарій!» Величавый и строгій образъ Макарія стоитъ около Ивана IV со времени его вѣнчанія, стоитъ на стражѣ Русской Церкви и «возлюбленнаго ему земного отечества Россіи», въ событіяхъ царствованія, пока живъ Макарій. Онъ питаетъ добрую волю царя, который «совѣтуетъ» съ нимъ во всемъ сколько-нибудь важномъ — своемъ, личномъ, и земскомъ, и народномъ. Онъ сдерживаетъ приступы страстнаго гнѣва Ивана IV, «печалуя» за осужденныхъ и ихъ «отпрашивая отъ смерти». Походы на Казань для избавленія русскаго народа отъ постоянной опасности со стороны этого разбойничьяго гнѣзда, взятіе ея — все это проходило при молитвѣ митрополита за Россію и при постоянной духовной поддержкѣ имъ ея молодого царя. Казань взята; но «здержать» ли ее въ своихъ рукахъ русскій царь? А дальше — присоединеніе Астрахани, борьба съ Крымомъ, Ливоніей, Литвою. Сколько требовалось внутренней силы, чтобы не дать воли малодушію въ это тяжелое время! И митрополитъ Макарій эту силу хранилъ и ве-

ликою мощью Русской Церкви. и своимъ личнымъ авторитетомъ . . .

Время, въ которое жилъ Макарій, выдвигало передъ нимъ, какъ первосвященителемъ Русской Церкви, съ особою настойчивостью задачу утвердить міровое значеніе и высоту ея на святыхъ костяхъ и подвигахъ русскихъ чудотворцевъ, молитвенно «предстоящихъ Престолу Всевышняго». Уже въ домакарьевскую эпоху Русская Церковь имѣла 67 святыхъ общерусскаго или мѣстнаго признанія. На созванныхъ Макаріемъ Соборахъ 1547 и 1549 годовъ были канонизованы еще 39 «новыхъ чудотворцевъ», изъ которыхъ большая часть уже чтилась на мѣстахъ, но не во всемъ Московскомъ царствѣ. Святые русская не только выросла теперь въ своемъ сокровищѣ, но и получила общерусское признаніе: общими для всей Руси святыми стали тѣ, которые раньше, какъ святые мѣстные, вѣрою русскаго народа признавались защитниками и покровителями отдѣльныхъ частей Русской Земли и которые теперь стали молитвенниками за всю «Землю Святуюрусскую».

Но части Россіи имѣли и свои чтимыя мѣстныя иконы, въ которыхъ видѣли «святые щиты» для частей Русской Земли, а не для нея всей. И эти иконы собираются въ Москвѣ, въ оригиналахъ или точныхъ спискахъ — московскіе храмы стали хранить и мѣстную святыню всѣхъ «государствъ Россійскаго Царствія». Въ обновленіи иконъ и писаніи копій съ чтимыхъ на мѣстахъ, митрополитъ Макарій трудился и какъ «иконный писецъ», какъ «иконному писанію наученный сей хитрости». Москва, центръ «Великой Россіи», была хранилищемъ общерусской святыни, а ея храмы были мѣстомъ молитвы за всю Землю Русскую. Въ этихъ храмахъ—«иконы, вельѣпно украшенныя золотомъ и серебромъ и драгоценнымъ камнемъ», съ горящими передъ ними лампадами и паникадилами, въ нихъ — «красногласныя гѣнія благолѣпныхъ священниковъ» и «кадила съ благооннымъ ухапемъ»; на ихъ звонницахъ—«доброгласныя свѣтошумные колоколы». Благолѣпіе богослуженія украшало московскіе храмы: и его красоту, уставную строгость и значеніе такъ понималъ и чувствовалъ митрополитъ Макарій . . . Онъ усердно заботился о ней какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ градахъ и весяхъ. Онъ освятилъ и длинный рядъ новыхъ храмовъ, и въ ихъ числѣ: храмъ «Пресвятые Владычницы наша Богородицы честный Покровъ», построенный

«о Казанской побѣдѣ»; при Макаріи же былъ замѣненъ каменнымъ «о девяти верхахъ» и освященъ — храмъ, извѣстный теперь подъ именемъ «Василія Блаженнаго», близъ Флоровскихъ (теперь Спасскихъ) воротъ.

Особой заботой митрополита пользовался Успенскій Соборъ, главный храмъ «Царства Московскаго», возобновленный послѣ пожара 1547 года, хранившій въ себѣ главную святыню сѣверо-восточной Руси, Владимірскую икону Божіей Матери, и мощи Св. Петра Митрополита. Его купола были покрыты вызолоченною мѣдью, а внутри его поставленъ пятирусный иконостасъ съ иконами, подобранными по днямъ замѣчательныхъ событій исторіи «Превеликой Россіи». Онъ не только служилъ молитвѣ русскаго человѣка, но и запечатлѣлъ въ себѣ воспоминанія русской славы и собранія Руси.

Русская Церковь требовала не одного благолѣпія своего богослуженія, но и внутренняго порядка и благочинія. Стоглавый соборъ 1551 года ставилъ своею задачею ихъ создать. Духовная жизнь «православнаго христіанства» нуждалась въ духовной пищѣ «чт о м ы х ъ к н и г ѣ», и Макаріи постарался ихъ собрать въ единомъ собраніи. Такъ возникъ величайшій памятникъ старой русской письменности,—Макарѣвскія Миней-Четы, въ 12-ти громадныхъ томахъ, изъ которыхъ каждый съ трудомъ поднимаютъ руки ихъ читающаго и въ которыхъ по днямъ мѣсяцевъ собраны все творенія евангелистовъ, апостоловъ, отцовъ и учителей Церкви, житія святыхъ и поученія — «все святія книги собраны и написаны, которыя въ Русской Землѣ обрѣтаются». Самъ Макаріи объ этомъ своемъ трудѣ говорить: «а писалъ есми и събиралъ и въ едино мѣсто ихъ совокупиалъ дванадесять лѣтъ, многимъ имѣниемъ и многими различными писари. не щадя сребра и всякихъ почастей».

Собравшіяся въ «Россійское Царствіе» части Русской Земли и русскаго народа должны были знать и свое историческое прошлое, чтобы уяснить себѣ свое настоящее и опредѣлять задачи своего будущаго. Рядомъ съ мѣстными лѣтописями и ихъ сводами, на Руси, около митрополіи уже давно вырабатывались общерусскіе «митрополичьи», лѣтописные своды. И именно при митрополитѣ Макаріи совершилось завершеніе этой работы составленіемъ самаго полнаго общерусскаго лѣтописнаго свода, случайно только не получившаго его имени и извѣстнаго подъ именемъ Никоновскаго, какъ на-

печатаннаго въ XVIII столѣтіи со списка, принадлежавшаго патриарху Никою. При Макаріи же было закончено и составленіе такъ называемой «Книги Стенной Царскаго Родословія», въ которой впервые дано изложеніе русской исторіи на основѣ ея единства, понятнаго въ смыслѣ ея единенія съ ея историческою властью. «отъ варяга Рюрика» до «царя и великаго князя Ивана». Съ именемъ Макарія связано и устройство Печатнаго Двора, типографіи. «Изыскивати мастерства печатныхъ книгъ» въ Москвѣ стали не только «повелѣніемъ» царя Ивана IV, но и «благословеніемъ» митрополита Макарія.

Конечно, и распространеніе христіанства среди язычниковъ Московскаго государства было дѣланіемъ Макарія. Еще въ бытность свою архіепископомъ Великаго Новгорода онъ организовалъ миссію въ Водской пятинѣ (части нынѣшнихъ Петроградской и Новгородской губерній, а также Финляндіи). Какъ митрополитъ, онъ ее ведетъ среди лопарей (у Бѣлаго моря) черезъ приснопамятнаго преподобнаго Трифона Печенгскаго и его сотрудниковъ. Завоеваніе царствъ Казанскаго и Астраханскаго возложило на русскую православную миссію новую задачу. Но какую инструкцію далъ Макаріи первому Казанскому архіепископу Гурію въ 1555 году? — «Всякими обычаями, какъ возможно, приучать ему татаръ къ себѣ и приводить ихъ любовью на крещеніе, а страхомъ ихъ къ крещенію никакъ не приводить».

Такова была дѣятельность митрополита Макарія, если мы на нее посмотримъ въ тѣхъ, только главнѣйшихъ ея проявленіяхъ, которыя доступны короткому очерку. Но гдѣ же его личная жизнь? — можетъ спросить читатель. Она цѣликомъ въ его дѣлѣ. въ его служеніи Церкви и Землѣ. Лишь въ предсмертной своей болѣзни, въ исходѣ 1563 года, восьмидесятилѣтній старецъ-митрополитъ, вспомнилъ о ней, когда уже «изнемогалъ» въ своей тяжелой «немощи». Онъ молилъ царя: «отпусти меня въ мое постриженье», т. е. въ Пафнугіевъ Боровскій монастырь, гдѣ онъ юношею позналъ впервые сладость иноческой молитвы, и, какъ человѣкъ, хранилъ воспоминаніе этого момента своего личного счастья во всю свою долгую жизнь. Царь отказалъ: Макаріи было слишкомъ великъ въ своемъ санѣ и значеніи для Земли, чтобы глава ея могъ

позволить ему окончить свою жизнь въ монастырскомъ уединеніи. И митрополитъ подчинился царской волѣ. Для себя онъ привыкъ не искать личныхъ утѣхъ. Себя онъ сознавалъ простою и неотдѣлимую частицею двухъ великихъ силъ, которымъ имя Русская Церковь и Русская Земля. О себѣ онъ писалъ въ своихъ Минеяхъ-Четьяхъ: «всѣхъ молю и колѣнома касаюся . . . , да въспоминають смиренную и грѣшную мою душу въ святыхъ своихъ ко всеилному Богу молитвахъ».

И. И. Лаппо.

ПРАВОСЛАВІЕ И ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ.

Ходячая фраза, утверждающая, что «церковь аполитична», требует внимательнаго и отвѣтственнаго анализа. Въ ней заключается цѣлый рядъ историческихъ ошибокъ, религіозныхъ соблазновъ и государственныхъ опасностей.

Въ словѣ «а-политична» — первое «а» равносильно отрицанію (= не). Что же отрицается имъ? Партіинность ли церкви? Или призваніе церкви къ завладѣнію свѣтскою властью? Или ея живое и творческое отношеніе къ государственному строительству вообще? — Съ самаго начала ясно, что на эти различные вопросы могутъ и должны быть даны совершенно различные отвѣты.

Церковь, конечно, не есть политическая партія. Она вообще не «партія», т. е. (буквально) не часть: она призвана не къ дѣленію и раздѣленности, а къ міровому единству и всецѣлости (= «каволичности»). Православная Церковь утверждаетъ за собою религіозную истину о бытіи Божіемъ, о смыслѣ мірозданія и о спасеніи челоувѣческой души; другія религіозныя ученія и исповѣданія — суть для нея не равноправныя церковныя «партіи», а неистинныя ученія и невѣрныя исповѣданія. Юриспруденція и политика могутъ условно признавать «множество» разныхъ «церквей»; но религіозно-вѣрующій знаетъ одну, единственную, истинную церковь, истину которой (согласно его вѣрѣ) свободно озарить и соединить однажды всѣ челоувѣческія души.

Итакъ, церковь не можетъ признать себя религіозной партіей. Тѣмъ болѣе она не есть политическая партія.

Церковь есть религіозный союзъ. Политическая партія не есть религіозный союзъ.

Церковь имѣть догматы, таинства и каноны. Политическая партія ихъ имѣть не можетъ и не смѣетъ.

Церковь исходитъ изъ вѣры и ею строитъ духъ человѣка. Политическая партія исходитъ изъ соображеній государственной цѣлесообразности и хозяйственной пользы и ими направляетъ внѣшнее поведеніе человѣка.

Церковь по установленію своему благодатна; она есть орудіе Царства Божія. Политическая партія устанавливается человѣческимъ произволеніемъ и есть порожденіе земной государственности.

Церковь ищетъ перерожденія души и духа. Политическая партія ищетъ государственныхъ и хозяйственныхъ реформъ.

Церковь не ищетъ свѣтской, государственной власти. Политическая партія добивается именно свѣтской, государственной власти.

Церковь не борется силою и понужденіемъ. Политическая партія добивается для себя именно права бороться понужденіемъ и силою.

Итакъ по самому существу своему и по всему существу своему церковь не можетъ и не должна становиться политической партіей; а политическая партія не можетъ и не смѣетъ становиться церковью. Церковь, становящаяся политической партією, унижаетъ и извращаетъ свою природу.

Но этого мало: церковь не можетъ и не должна связывать себя ни съ какою бы то ни было политической партією, ограничивая доступъ къ себѣ другимъ партіямъ. Въ каждой партіи могутъ участвовать люди разныхъ исповѣданій; а въ каждую церковь могутъ входить люди разныхъ партій. Принадлежность къ политической партіи сама по себѣ не можетъ быть тѣмъ смертнымъ грѣхомъ, за который слѣдуетъ церковное отлученіе. Связанность церкви съ одною партією дѣлаетъ ее партійною церковью: этимъ она низводитъ свое представленіе о Царствѣ Божіемъ до уровня политической цѣлесообразности и измѣняетъ своей каѳоличности: въ то же время она придаетъ данной политической партіи значеніе благодатной исключительности и тѣмъ съѣтъ величайшій соблазнъ въ душахъ.

Точно также Церковь не призвана къ свѣтской власти, къ ея захвату и подчиненію. Церковь и государство взаимно инородны, подобно тому, какъ инородны церковь и политическая

партія: по установленію, по духу, по достоинству, по высшей цѣли и по способу дѣйствія. Государство, пытающееся присвоить себѣ силу и достоинство церкви, творитъ кощунство, грѣхъ и пошлость. Церковь, пытающаяся присвоить себѣ власть и мечъ государства, утрачиваетъ свое достоинство и измѣняетъ своему назначенію. Государство не можетъ дѣйствовать благодатно: устанавливать догматы, совершать таинства, растить Царство Божіе. Церковь не должна брать меча — ни для насажденія вѣры, ни для казни злодѣя, ни для войны. Безспорно, государство выше политической партіи такъ, какъ родина въ цѣломъ выше всѣхъ своихъ частей; но и партія и государство остаются учрежденіями человѣческаго порядка и земного ранга.

Въ этомъ смыслѣ Церковь «а-политична»: задача политики — не есть ея задача; средства политики — не суть ея средства; рангъ политики — не есть ея рангъ.

Но означаетъ ли это, что Церковь не должна стоять въ живомъ и творческомъ отношеніи къ государственному строительству и къ бытію Родины?

Отнюдь нѣтъ. И русская Православная Церковь въ исторіи всегда поддерживала и впредь будетъ поддерживать это отношеніе къ русскому государству.

Церкви есть дѣло до всего, чѣмъ живутъ или не живутъ люди на землѣ. Ибо живая религія есть не одна сторона жизни, а сама жизнь и вся жизнь. Все, чѣмъ живутъ или не живутъ люди — или уводитъ ихъ отъ Царства Божія, или ведетъ ихъ къ нему; и церковь обо всемъ этомъ можетъ и должна имѣть свое сужденіе, — открытое, авторитетное, одобряющее или осуждающее. Но это сужденіе должно имѣть своимъ мѣриломъ именно законъ Божій и Царство Божіе; а отнюдь не политическую цѣлесообразность и не хозяйственный или партійный интересъ. И это сужденіе никогда не должно проводиться въ жизнь на путяхъ свѣтской государственности. Церковь въ правѣ благословить и не благословить; она въ правѣ анаематствовать. И въ сужденіяхъ своихъ она должна блюсти свою полную религіозную свободу и независимость, не угождая и не приспособляясь, а если надо; то пріемля и гоненія (Іоаннъ Златоустъ. Филиппъ Митрополитъ. Патріархъ Тихонъ).

Члены церковнаго союза подчинены государственнѣмъ законамъ въ своемъ виѣшнемъ поведеніи; но совѣсть ихъ не подчинена никакимъ государственнѣмъ велѣніямъ. И произнося свои сужденія и осужденія, Церковь этимъ отнюдь не вмѣшивается въ политикку, но пребываетъ въ предѣлахъ создаемаго и блюдомаго имъ Царства Божія. Церковь призвана, церковь обязана указывать людямъ, — и царю, и чиновникамъ, и гражданамъ, то въ личной бесѣдѣ, то въ проповѣди, то во всенародномъ воззваніи, — гдѣ именно ихъ дѣла, ихъ установленія или страсти вредятъ дѣлу Царства Божія. Въ этомъ ея учительная власть, отъ которой ее ничто и никакъ освободить не можетъ. И вторженіемъ въ политикку это стало бы только тогда, если бы Церковь подмѣнила свое религіозное мѣрило — земнымъ, или обратилась бы къ земнымъ, политическимъ средствамъ.

При такомъ, подлинно православномъ пониманіи дѣла, церкви никакъ не можетъ быть безразличнымъ, что именно дѣлается въ народѣ и что именно творитъ государственная власть. Промолчить ли она, если въ народѣ возникнутъ кровавыя и жестокия игрища? или если распространятся формы публичнаго разврата? или если черная месса войдетъ въ погибельную «моду»? Промолчить ли она, если правительство узаконитъ многобрачіе? или разрѣшитъ торговлю галишомъ? или отмѣнитъ преподаваніе Закона Божія? или установить избирательную систему, при которой право голоса будетъ принадлежать только удостовѣреннымъ святотатцамъ? или введетъ декретомъ новую обязательную религію — магометанство, католицизмъ? И если не промолчить — то это будетъ тоже «вторженіе въ политикку», въ «царство кесаря»?

Государственная власть не судья въ догматахъ, таинствахъ и канонахъ. Зато вопросы правопорядка рѣшаетъ она: и члены всѣхъ церковныхъ союзовъ подчиняются ей законамъ. Но Церковь — судья во всемъ, на что надаетъ лучи Царства Божія, не исключая и самыхъ вопросовъ государственнаго устройства.

Государство править. Церковь учить. Во виѣшнемъ и земномъ — государство повелѣваетъ и церкви. Во внутреннемъ и благодатномъ — церковь учитъ и государство. Государство не покушается на учительную и спасающую власть Церкви.

Церковь не покушается на учреждающую и упорядочивающую власть государства. Но государство есть оборона и опора независимой Церкви. А Церковь есть духовникъ и ангель-храпитель христіанскаго государства. Обоюдная формальная независимость обѣихъ властей; взаимное непосяганіе и невторженіе; и взаимная помощь: каждая власть помогаетъ другой по свѣдѣму, въ ту мѣру, въ какую другая нуждается въ этой помощи...

Вотъ древнее, исконное, русское-православное разрѣшеніе вопроса. Церковь отнюдь не была «отдѣлена» отъ государства; напротивъ: неклася о немъ, помогала, учила, совѣтовала, благословляла, ободряла, осуждала и отстаивала. И государство отнюдь не было отдѣлено отъ Церкви; напротивъ ограждало, поддерживало, облегчало, жертвовало, «вкладывало», совѣтовалось и принимало благословеніе, освященіе и благодать.

Церковь отнюдь не была ни безгосударственна, ни противогосударственна. Царство «кесаря» стремилось по свѣдѣму служить Царству Божію; а Церковь учила, какъ надлежитъ лучше вести это служеніе.

Не благословили ли епископы Владиміра Святого казнить разбойниковъ по суду? И не на Посланіе ли Апостола Павла къ Римлянамъ они ссылались при этомъ? Не вдохновилъ ли Преп. Сергій Радонежскій Дмитрія Донскаго къ кровавому побою съ татарами? Не помогали ли великимъ князьямъ освобождать Русь отъ татаръ и собирать ее — всея Россіи Чудотворицы Петръ и Алексій? Не митрополить ли Макарій ввелъ первое царское коронованіе? Не митрополить ли Филиппъ обличалъ Грознаго Царя до самой своей мученической смерти? Не Гермогенъ ли поднялъ православную и патріотическую Русь на поляковъ и разбойниковъ? Не Митрополить ли Ростовскій Кирилль строилъ и велъ ополченіе вмѣстѣ съ княземъ Пожарскимъ? Не Патріархъ ли Филаретъ Романовъ устроилъ патріаршее вѣдомство для борьбы съ гражданскою несправедливою на Руси?

Что же, православно ли мыслятъ тѣ, кто требуютъ «отдѣленія Церкви отъ государства» и настаиваютъ на томъ, что всѣ политическія событія и явленія должны быть «безразличны» Православной Церкви? Не ересь ли пытаются они навязать намъ?

Два раза изнемогала Русь въ своей исторіи отъ порабощенія иноземцами и иновѣрцами. Преподобный Сергій воззвалъ къ ней въ первый разъ и вдохновиль ее къ освобожденію. Святѣйшій Гермогенъ воззвалъ къ ней во второй разъ и вдохновиль ее къ очищенію и воссоединенію.

Нынѣ Россія изнемогаетъ въ третій разъ, порабощенная безвѣрнымъ и безбожнымъ, инороднымъ и международнымъ скопищемъ. И нынѣ, какъ и встарь, она ждетъ, что прозвучать зовущіе и вдохновляющіе голоса ея святыхъ и святителей?

Церковь не можетъ и не должна быть партійною и мѣрить политическимъ мѣриломъ. Но развѣ «третій интернаціональ» есть политическая партія? Но развѣ безбожное кощунство, религіозное совращеніе и нравственное растлѣніе цѣлаго народа, великаго народа и православнаго народа, развѣ дѣло посягающаго антихриста не вѣситъ на священныхъ вѣсахъ Царства Божія, не взываетъ къ Церковному осужденію, не побуждаетъ благословить тотъ мечъ, который нѣкогда благословили Сергій и Гермогенъ?!

Господи! Возроди въ Православной Церкви духъ пророческій и водительный!

Господи! Спаси Россію!

Православный.

ПАТЮСЪ ГЕРОИЗМА И ИДЕИ СОВРЕМЕННОСТИ.

Среди многихъ легендъ о неукротимомъ Роландѣ *) есть одна, исполненная глубокаго смысла и символическаго содержанія. Ея фабула такова.

Однажды друзья рассказали Роланду, что гдѣ-то, неподалеку, посреди глубокаго озера, на пустынномъ островѣ — возвышается мрачный, неприступный замокъ, а въ немъ живетъ злой, старый волшебникъ. Еще никому не удавалось проникнуть внутрь замка, ибо волшебникъ убивалъ своихъ враговъ на разстояннн — чѣмъ-то невидимымъ: блеснетъ огонь, грянетъ громъ и нападающій падаетъ пораженнымъ.

Не задумываясь, Роландъ рѣшилъ, что онъ долженъ сражаться со злодѣемъ и избавить отъ него мнръ. Онъ находитъ озеро, садится въ лодку и безстрашно ѣдетъ одинъ, къ чуть виднѣющейся съ берега громадѣ замка, какъ бы поднимающейся прямо изъ воды. И вотъ, когда онъ былъ уже совсѣмъ близко и все кругомъ было такъ тихо, что казалось, будто замокъ необитаемъ и какъ бы умеръ, — вдругъ блеснулъ огонь, что-то загремѣло и ударило въ воду рядомъ съ лодкой... Еще и еще разъ... Но чудомъ невидимый, рыцарь съ однимъ мечомъ въ рукахъ, добрался до острова, ворвался въ замокъ и убилъ волшебника: маленькаго, тнцедупнаго старика. А на полу, рядомъ съ нимъ, онъ нашелъ его таинственное, злое оружіе... Это была какая-то странная палка, съ механизмомъ посрединѣ, кончавшаяся длинной, желѣзной трубкой. Роландъ взялъ его съ собой, отѣхалъ на самое глубокое мѣсто, съ презрѣніемъ разломалъ это подлое оружіе на куски и выбросилъ въ воду.

*) Въ русскомъ переводѣ, вышедшемъ въ XIX вѣкѣ онъ названъ «неистовымъ» Роландомъ, не истовымъ (?!).

Но, совершивъ свой подвигъ, Роландъ въ первый разъ въ жизни почувствовалъ, что побѣда не дала ему радости. Глубокая тоска охватила его душу.

— Вотъ, — думалъ онъ, — я убилъ этого гнуснаго старика и уничтожилъ его злое дѣло; но я не спасъ этимъ міра отъ коварства и хитрости. Наступитъ когда-нибудь время, когда кто-нибудь другой придумаетъ такое же оружіе и когда каждый сможетъ его имѣть. И это будетъ означать, что пришла смерть рыцарству. Ибо если каждый, самый ничтожный и робкій, прячась, не въ открытомъ и честномъ бою, не осмѣливаясь даже подойти къ своему врагу, сможетъ поразить издалека самага храбраго и самага сильнаго,—рыцарство умретъ: это будетъ днемъ смерти героизма и доблести, мужества и отваги. Это будетъ означать, что міромъ начнутъ править не самые прямые, благородные и доблестные, а самые коварные, разсчетливые и хитрые... —

Таково содержаніе этого прекраснаго, пророческаго разсказа.

Меня не смущаетъ наивность этой легенды. Она придаетъ ей только особую прелесть и не мѣшаетъ ощутить всю глубину ея содержанія. Мнѣ не важно сейчасъ: «правъ» ли былъ храбрый и не мудрствовавшій рыцарь? Правъ ли онъ былъ, думая, что до него міромъ правила отвага и доблесть, и не ошибался ли онъ, боясь, что какое бы то ни было изобрѣтеніе сможетъ хоть когда-нибудь устранить героизмъ, сможетъ потушить извѣчную и неугасимую человѣческую потребность. Мнѣ не это важно. Говоря «по современному», мы сейчасъ пожалуй даже упрекнули бы Роланда въ преувеличенномъ представленіи о значеніи «матеріальныхъ факторовъ». Но за всѣмъ этимъ въ легендѣ остается яркое изображеніе столкновенія двухъ извѣчно борющихся началъ, двухъ человѣческихъ типовъ и психологій; въ ней остается и элементъ подлиннаго пророчества. Ибо несомнѣнно, что та эпоха, о которой съ такимъ ужасомъ, тоской и омерзеніемъ, по разсказу легенды, думалъ Роландъ — уже наступила; въ эту эпоху жили наши отцы, а мы сейчасъ доживаемъ и изживаемъ ее...

Въ чемъ же выразилась эта новая эпоха и что же измѣнилось въ судьбахъ героизма?..

— Не въ могучемъ ли и безпредѣльномъ ростѣ техники? Но мы-то знаемъ теперь, что «съ появленіемъ ружья» — героизмъ не умеръ; что вообще нельзя матеріально умертвить того, что безсмертно...; и что съ новыми техническими достиженіями люди лишь углубляютъ, разнообразятъ и расширяютъ способы проявленія извѣчной человѣческой потребности и страсти. — виды человѣческаго героизма...

Можетъ быть иныя, новыя условія жизни (соціально экономическій факторъ) породили иныя нравы, иныя потребности. въ результатѣ которыхъ умеръ герой и родился новый «средній человѣкъ»? Да, конечно, душа каждой эпохи неотрываема отъ ея тѣла. Но мы какъ разъ отрицаемъ неизбывную зависимость человѣческаго духа отъ его тѣла и отъ соціального фактора...

Или, быть можетъ, все сводится къ тому «движенію» въ безконечномъ «историческомъ пространствѣ», которое даже движеніемъ можетъ быть названо лишь въ смыслѣ смѣны поколѣній и которое почему-то называютъ «прогрессомъ»? Но я думаю, что историческое «движеніе» совсѣмъ не есть еще тѣмъ самымъ движеніе впередъ и что не всякое развитіе есть уже прогрессъ. Миѣ чужды этотъ наивный позитивистическій мистицизмъ, эта «религія» самодовлѣющаго «движенія» или «прогресса».

И именно поэтому я думаю, что объективная историческая справедливость легенды заключается не въ томъ, что «героизмъ умеръ», а въ томъ, что онъ угасался и погасался тѣми идеями, которыя господствовали въ изживаемую нами эпоху. Идеи вообще имѣютъ свою жизнь и свое движеніе; онѣ не зависятъ въ конечномъ счетѣ ни отъ технически-матеріальныхъ, ни отъ соціальныхъ факторовъ; онѣ не зависятъ и отъ мнимо новыхъ и мнимо «прогрессивныхъ» условій жизни. Онѣ изживаются и теряютъ свою жизненную силу.

И вотъ, господствовавшія идеи нынѣ уже уходящей эпохи— въ своихъ умыслахъ и намѣреніяхъ «отмѣняли» героизмъ, или въ лучшемъ случаѣ «устраняли» и отстраняли его за ненужностью. А люди этой эпохи, тѣ, которые эти идеи восприняли, «растлѣнные» этими идеями, всѣми силами психически отталкивались отъ героизма. Закоренѣлые и вѣрные сторонники этихъ идей, пропитавшіе ими свои вкусы, на-

выки и эмоции, не могли не ощущать героизмъ, какъ пережитокъ стараго, въ лучшемъ случаѣ наивнаго и «глуповатаго» времени; въ худшемъ случаѣ они относили нѣкоторыя проявленія его прямо къ эпохѣ господства грубой силы; это еще ничего. если они считали его только смѣшнымъ («ридикюль»). чаще — варварскимъ, низменнымъ, не «прогрессивнымъ», признавая и «легализуя» лишь нѣкоторыя его формы, не понимая, что стихія его всегда и во всемъ одина: — ибо, конечно. Роландъ и Галилей, Колумбъ и Гусь, и всѣ тѣ безчисленные «маленькіе герои», творцы жизни на всѣхъ ея путяхъ и во всѣхъ ея областяхъ, — суть братья по духу. И если, въ изживаемую нами эпоху. одни изъ нихъ признавались, а другіе отрицались, то это показываетъ только, что признавалась не стихія героизма. а лишь та (своя) область, въ которой данный человѣкъ дѣйствовалъ, хотя бы и героически. Это показываетъ, что самого героизма. какъ вѣрнаго жизненнаго метода. какъ нормальнаго творческаго начала — не воспринимали. отрицали его, чурались.

Но о какихъ же именно идеяхъ идетъ рѣчь?

Культъ большинства, поиски «средняго арифметическаго», неизбежное стремленіе все с низить, а иногда и срѣзать возвышающіяся надъ толпой головы, тяга къ срединности, страсть уравнильства, «сладоэрастіе уравненія», — таковы тотъ еще недавно безраздѣльно господствовавшій комплексъ идей и чувствованій, изъ подъ власти котораго мы еще только начинаемъ высвобождаться *).

Культъ и паѳосъ героизма предѣльно эти идеи исключаютъ. Они абсолютно съ ними несоединимы и даже прямо имъ противоположны. Культъ героизма есть культъ исключительной личности; тѣмъ самымъ онъ утверждаетъ неравенство, какъ нѣкую неизбывную стихію жизни. какъ суровый и жестокий законъ самой жизни. какъ источникъ творчества и движенія. Неравенство есть предпосылка героизма. Больше того: если такъ обстоитъ въ логической плоскости, то еще разительнѣе психологическое взаимоотталкиваніе между культомъ невидѣляющагося и паѳосомъ выдающагося.

*) Въ дальнѣйшемъ мы будемъ говорить только о проявленіяхъ героизма въ общественной и государственной жизни.

Представимъ себѣ на минуту, что тотъ прѣсный «земной рай», тотъ «истинный прогрессъ», неосуществимыми идеями осуществленія котораго бредятъ «властители вѣка сего», — когда-нибудь наступить... Въ этомъ мірѣ, представляющемъ изъ себя комбинацію сѣраго острога съ прекраснородушно-слащавой сектантской молельней, — не оказался ли бы герой въ положеніи Потока-Богатыря, понавиваго въ анатомическій театръ (см. у графа А. К. Толстого)? Но и болѣе того, — герой былъ бы помѣхой, врагомъ этого «рая», ибо онъ даже не борясь съ нимъ, однимъ своимъ присутствіемъ — опрокидывалъ бы его. Въ этомъ раю герой навѣрное былъ бы объявленъ «врагомъ народа» и «соціально опаснымъ элементомъ»...

Послѣдовательное, до конца додуманное философское оправданіе и пріятіе героизма, какъ одного изъ необходимыхъ элементовъ подлинной и живой жизни, есть признаніе и пріятіе неравенства. И еще болѣе, — это есть признаніе того, что міръ лежитъ во злѣ, которое неустрашимо никакимъ «общественнымъ договоромъ», или «истиннымъ прогрессомъ», или «деклараціей Вильсона»: во злѣ, борьба съ которымъ требуетъ непрерывнаго индивидуальнаго подвига...

Все, чему «хозяева положенія», «люди вѣка сего» настойчиво учатъ довѣрчивыя массы и низы народа, есть призывъ къ умерщвленію героя. Ибо они говорятъ народу, что онъ самъ можетъ и долженъ устраивать свою судьбу; они прививаютъ ему вредныя и усыпительныя грѣзы «ни-въ-комъ-ненуждаемости», самонадѣянной горделивости и всяческаго «анти-водительства». Они говорятъ ему неправду о мірѣ и жизни, неправду о законахъ, управляющихъ жизнью обществъ.

«Тебѣ не нужны вожди, тебѣ не нужны герои! Ни за кѣмъ не иди! Веди и приказывай самъ! Ты — хозяинъ, а мы твои слуги!..»

А съ этимъ неизбежно связано и отвращеніе народнаго взора отъ неба...

«... И сладкій горошекъ достанется намъ!
А царство небесное мы воробьямъ
И ангеламъ Божиимъ уступимъ...»

Такъ нѣкогда аргументировалъ Бебель свою социальную утопію — стихами Гейне. —

Въ каждомъ народѣ всегда есть элементъ «дѣтства» и святой дѣтскости, — грубаго, жестокаго, наивнаго, но довѣрчиваго и ищущаго. И эту его тягу ввысь и вверхъ, всё его неизбывныя тяготы и бремена, и поиски того, кто бы вывелъ его изъ нихъ. повелъ и помогъ, — они пытаются замѣстить самоудовольствомъ «сладкаго горошка» и культивированіемъ его собственныхъ слабостей и пороковъ.

Образно выражаясь, можно сказать, что на окна его дома, въ которыя народъ можетъ видѣть небо, они вѣшаютъ зеркала. въ которыя онъ не долженъ видѣть ничего, кромѣ самого себя...

Героя, подвижника, личнымъ напряженіемъ и усиленіемъ ведущаго и спасающаго народъ, всегда вдохновеннаго идеей жертвы и служенія — они всегда старались оттѣснить и заслонить, или, въ лучшемъ случаѣ «ощинать». Для себя же они придумали званіе «народныхъ слугъ» и «исполнителей его воли». И какъ часто здѣсь совершается тотъ самый обманъ, который произошелъ въ извѣстной, поистинѣ символической сказкѣ Пушкина о «работникѣ Балдѣ»: ибо они нерѣдко «служать» народу такъ же, какъ Балда «пронесъ» лошадь... сѣвъ на нее верхомъ...

Средній человѣкъ, если онъ утверждаетъ свою «средность», какъ цѣнную и должную. — не можетъ не бояться и не ненавидѣть героя. Для людей съ бѣдной эстетикой и съ обильной завистью — герой есть конкурентъ, помѣха и «затмитель»: изъ-за него можно остаться незамѣченнымъ и забытымъ. Средній человѣкъ, которому его собственная базкрасочность не внушаетъ естественнаго чувства скромности, а «носится» имъ, какъ нѣкій единственно приличный современный мундиръ и даже, какъ нѣкое идейное знамя, долженъ чувствовать себя въ присутствіи героя примѣрно такъ, какъ почувствовали себя два полячка послѣ появленія въ «Мокромъ» Дмитрія Карамзова: не у дѣлъ!..

Нужны ли республикѣ герои? Французская революція, умертвившая короля, королеву и королевство (правда, чтобы создать вскорѣ имперію!), быть можетъ впервые за все исторически обозримое время создавшая и д е й н о п а с ы щ е н н у ю и н а п о е н н у ю д у х о м ъ р е с п у б л и к а н и з м а — рес-

публику, — та. по началу, думала даже, что «республика не нуждается» и «въ ученыхъ». Это, конечно, было «нѣкоторое» преувеличеніе. Но что господствующія идеи современности учать и убѣждаютъ, что республика не нуждается въ герояхъ — это несомнѣнно; онѣ могли бы свободно сказать толпѣ, что герой — «герой не ея романа . . .»

Если человекъ хочетъ узнать, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло и даже познать себя, кто онъ самъ, то самымъ вѣрнымъ способомъ является осознать и прочувствовать, не чтѣ онъ думаетъ и говоритъ, а къ чему его тянетъ, чтѣ его привлекаетъ и притягиваетъ къ себѣ, чтѣ онъ считаетъ красивымъ, какова ея «эстетика». И вотъ какъ разъ эстетика подлиннаго героизма прямо противоположна эстетикѣ «героя современности». Къ чему копья и шлемы, когда есть векселя и биржа? Къ чему Наполеонъ и Великая Армія, когда есть Вильсоны, 11 пунктовъ и Лига Націй?!

Такъ называемая «передовая демократія Европы» ведетъ сейчасъ послѣдовательную и упорную борьбу съ «военной психологіей». Но въ чемъ существо этой борьбы? Есть ли это только борьба за мирный трудъ, борьба противъ страшнаго и кроваваго времени, противъ новаго возможнаго кровопролитія, матеріальнаго разоренія, социальныхъ взрывовъ и культурнаго оскудѣнія? Если бы мы вообразили, что этотъ разумный и законный мотивъ является единственнымъ, — мы бы глубоко ошиблись. Можетъ быть въ гораздо большей степени это есть попытка со стороны довоенныхъ людей произвести нѣкую духовную и идейную реставрацію: ибо это есть борьба противъ всего того, что рождено во время войны и благодаря ей; это есть борьба свѣтской и обезцерковленной Франціи съ тою Франціей, которая пошла во время войны въ храмы, фигурально выражаясь, это есть борьба «Комбовъ» съ «Фошами». И если современная Франція попрежнему празднуетъ, какъ національный (!?) праздникъ, 14-ое іюля, то война, быть можетъ, уже возродила и оживила подлинно-национальный образъ Жанны Д'Аркъ. — образъ не раздѣленія, а единства, образъ національнаго освобожденія, а не образъ взятія пустой Бастиліи . . .

Я могъ бы выразить это по-русски именами Златовратскаго и Гумилева, — не давая какого-либо догматическаго изложенія сущности героизма. Ибо «смазать» противоположность

этихъ человѣческихъ образовъ невозможно: между ними надо выбирать. Кто теперь читаетъ Златовратскаго и не знаетъ Гумилева? Но этотъ вопросъ неизбежно вызываетъ другой, общій: всегда ли живой ткани народной духовной жизни соотвѣтствуютъ тѣ идеи, которыя почитаются данной эпохой и входятъ въ ея канонъ? . . . — Можно отвѣтить: почти никогда! Ибо жизнь движется быстрѣе; идеи консервативнѣе, чѣмъ дѣйствительность. Тотъ въ сущности довоенный. «антигероическій» канонъ. повидимому, все еще является официальной «религіей»; и въ то же время довоеннымъ жрецамъ уже приходится реставрировать его съ огромными усиліями. Онъ уже не соотвѣтствуетъ духу новой современности, онъ высвобождается изъ подъ него. подобно тому, какъ живая ткань тѣла заставляетъ медленно отсыхать покрывающій ее струпу. Ибо духъ современности. имѣя опытъ великой войны, непріемлетъ довоеннаго «канона». онъ уже напитанъ инымъ паэосомъ.

Война — это не только бичъ человѣчества. наряду съ голодомъ, моромъ и землетрясеніемъ; но это есть то время, когда меркнутъ «Блоки» и расцвѣтаютъ «Гумилевы»; когда господиномъ положенія становится не Парисъ. а Гекторъ . . . Это не только господство грубой силы и злобы, время, когда замолкаетъ поэтъ и ученый, артистъ и художникъ: но это также и время, когда рождается доблесть и мужество. отвага и честь. любовь и самоотверженность; -- время появленія новыхъ людей съ новой психологіей, тѣхъ, кто привыкъ быть хозяиномъ своей жизни и смерти. —

Для кого не страшны ураганы,
Кто извѣдалъ мальстремы и мель . . . ,

-- время, когда р о ж д а ю т с я г е р о и . —

Я хотѣлъ бы быть до конца понятымъ. Все здѣсь высказанное не есть только личное измышленіе. Я готовъ утверждать, что также думаютъ и чувствуютъ многіе и многіе, даже безотносительно къ странамъ и національностямъ, особенно люди извѣстнаго поколѣнія: и мои сверстники. и люди моложе меня. Въ этомъ смыслѣ все изложенное есть какъ бы и нѣкое свидѣтельское показаніе. Иллюстрируя это русскими примѣрами и образами, можно сказать, что люди этого поколѣнія, искренно отдавая должное образу честнаго и либеральнаго предсѣдателя земской управы, весь паэосъ котораго ис-

черпывался «аптечками и библиотечками», впервые нашли, поняли и до конца возлюбили образ рядового Архипа Осипова. во всей его патриотической красотѣ и простотѣ...

Когда волей исторіи они, молодыми студентами, или даже юными мальчиками вошли въ казарму, черезъ которую (хвала Богу!) почти всѣ они прошли, — они съ удивленіемъ увидали на ея стѣнахъ рядъ (пусть и лубочныхъ!) картинъ героическаго и патриотическаго содержанія. Это было для большинства изъ нихъ ново... И они прежде всего не могли не задуматься надъ тѣмъ, почему въ кабинетѣ ихъ отца висѣлъ портретъ какого-то господина съ бородой, росшей откуда-то изъ шеи, и почему тамъ не было ни одного изъ тѣхъ, которые висѣли въ казармѣ, которые говорили о чемъ-то новомъ и совсѣмъ другомъ...

Въ своемъ подавляющемъ большинствѣ люди этихъ поколѣній дошли до своего міровоззрѣнія и до своей «эстетики», увы, безъ помощи предыдущаго поколѣнія, дошли самостоятельно, сами; они — самоучки. Въ этомъ, можетъ быть, и ихъ слабость; но отсюда, какъ всегда это бываетъ, и твердость ихъ убѣжденія. —

Все мною сказанное здѣсь, по своимъ цѣлямъ, не есть скрытая «филиппика» противъ ортодоксальныхъ идей демократіи или завуалированное опороченіе республики, какъ формы правленія — во что бы то ни стало... Но духъ, «религія» демократизма и республиканизма — мнѣ дѣйствительно глубоко чужды; и притомъ именно потому, что я воспринимаю этотъ духъ, какъ отвращающій взоръ человека отъ Бога на небѣ и отъ героя на землѣ. Я знаю однако, что среди республиканцевъ и демократовъ есть люди, не считающіе это ни для себя, ни вообще обязательнымъ. Тѣмъ лучше... Моя борьба «не противъ плоти и крови». Я не сектантъ. Я самъ измѣряю тѣ или иныя формы только ихъ большей или меньшей способностью вмѣщать въ себя — духъ героизма, социальнаго облагораживающаго и заразительно возвышающаго, духъ національнаго горѣнія, безраздѣльный паѣосъ Родины, паѣосъ долга и жертвы, водительства и служенія. Люди, единожды ощутившіе ихъ и возлюбившіе — до конца дней своихъ имъ обречены.

При рѣшеніи вопроса о формѣ правленія, конечно, огромную роль играютъ традиціи и то или иное отношеніе къ своему историческому прошлому. Но мнѣ думается, что для Россіи вопросъ стоитъ глубже. Въ тотъ моментъ, когда съ нея спадеть, вѣрнѣе будетъ снята интернаціональная кора, — это есть первая и ничѣмъ незамѣнимая задача, — встанетъ вопросъ не о формѣ правленія, а о томъ, чтобы эта форма была наполнена и напоена подлинно творческимъ и творчески-патріотическимъ содержаніемъ.

Волевая личность, годная и лично-отвѣтственная, способная увлекать и вести, водить, служить, подчинять и жертвовать, все требовать, но и все отдавать — должна быть возстановлена въ своихъ правахъ. Россія и не освободится, и не возродится безъ геросвъ! Герои нужны ей и для освобожденія и для возстановленія!

Героизмъ долженъ быть введенъ въ государство, какъ цѣлое творческое и животворное начало.

Н. Цуриковъ.

ЖИВОЙ ОПЫТЪ КОММУНИЗМА.

(Къ десятилѣтію русской революціи).

Прошло десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ коммунисты начали свой хозяйственный опытъ въ Россіи. И теперь мы можемъ подвести трезвые и безошадные итоги ихъ затѣѣ. Впервые въ исторіи человѣчества былъ осуществленъ такой опытъ— съ такимъ зарядомъ рѣшимости, въ такомъ размѣрѣ, съ такимъ использованіемъ всѣхъ средствъ, съ участіемъ знающихъ и опытныхъ специалистовъ.

Что далъ этотъ опытъ? Чему должны были научиться въ немъ всѣ русскіе люди? Какіе уроки несетъ онъ всему человечеству?

«Старый міръ» въ Россіи разрушенъ. Но не восторжествовали ли въ этомъ разрушеніи, не реабилитированы ли его экономическія основы: частная собственность и свобода хозяйствованія? Удалось ли и можетъ ли удасться созданіе «новаго міра» на противоположныхъ основахъ? Постигъ ли русскій народъ, пользуясь этимъ дорогимъ, но вѣрнымъ способомъ «нагляднаго обученія», что есть такія основы хозяйства и права, которыя безнаказанно нарушать нельзя? Явится ли это просвѣтленное опытомъ народное сознаніе источникомъ будущаго хозяйственнаго возрожденія Россіи? —

Говоря о томъ, что пытались создать и чего не создали большевики за эти годы въ Россіи, необходимо всегда тщательно различать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, что создано ими, и что создано или возстановлено помимо нихъ и даже вопреки имъ.

Хозяйственная жизнь великаго народа не могла остановиться совершенно — какъ бы ни насилывала ее коммунистическая власть. Нужно было какъ-нибудь жить, нужно было удовлетворять насущныя потребности. Относительно быстрое возстановленіе сельско-хозяйственнаго производства (въ нату-

ральных формах) является въ этомъ отношеніи особенно показательнымъ. Ясно, что если со времени «Нэпа» крестьяне значительно увеличили свои посѣвы и оправились хозяйственно (по сравненію съ голодными годами «военнаго коммунизма»), то произошло это не только помимо власти, но и вопреки ей, ибо она не снабжала крестьянъ, въ достаточномъ количествѣ, ни земледѣльческими орудіями, ни другими средствами производства, ни просто товарами; а если и снабжала, то по чудовищнымъ цѣнамъ и плохого, часто негоднаго качества.

До «Нэпа», т. е. до 1921 года, большевики думали осуществить въ Россіи коммунистическій строй въ полномъ объемѣ. Программа ихъ была такова: «Продразверстка», т. е. принудительное и безвозмездное отчужденіе у крестьянъ всѣхъ продовольственныхъ «излишковъ»; распределеніе всѣхъ продуктовъ въ городахъ по карточкамъ; управленіе фабриками и заводами при посредствѣ коллегіальныхъ рабочихъ органовъ; безвозмездность государственныхъ и коммунальныхъ услугъ (даровой проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ, даровое пользованіе почтой, электричествомъ и т. п.): и все это увѣнчанное отмѣной всѣхъ налоговъ и денегъ! И эту программу, большевики осуществляли четыре года на русскомъ опытномъ полѣ, съ настойчивостью и послѣдовательностью маниаковъ.

Когда этотъ опытъ послѣдовательнаго осуществленія коммунистическаго (соціалистическаго тоже) ученія привелъ къ вымиранію милліоновъ людей отъ голода въ деревнѣ и въ городѣ, къ небывалому въ исторіи параличу всей промышленности (въ нѣкоторыхъ отрасляхъ ея производство упало до 3—5% дореволюціоннаго уровня) и всей хозяйственной жизни страны, — тогда большевики не только пошли на «уступки» (Нэш!), но и посмѣшили заявить, что все, что они до сихъ поръ дѣлали, было лишь «военнымъ коммунизмомъ», что они «вынуждены» были къ этимъ мѣрамъ, къ этой политикѣ тѣмъ, что на всѣхъ фронтахъ шла гражданская война.

Въ дѣйствительности это былъ вовсе не «военный», а самый настоящій, послѣдовательный коммунизмъ, отъ котораго большевики вынуждены были отречься, ибо не только всей странѣ грозила гибель, но въ общей катастрофѣ и они были бы сметены изнутри. Пришлось уступить.

«Требованіе свободы торговли вооружило форты Кронштадта», — писала недавно «Экономическая Жизнь».

Во всякомъ случаѣ, важно разъ навсегда твердо установить и запомнить, что въ 1921—22 г. потерпѣлъ крушеніе не какой-нибудь «воспный», а самый настоящій, послѣдовательный коммунизмъ.

Послѣ этого пораженія большевики отступили на свои «командныя высоты». Они волей-неволей отказались отъ мысли насадить коммунизмъ въ 120-тимилліонной крестьянской массѣ, но они удержали за собой тѣ экономическія позиціи, опираясь на которыя они рассчитывали построить грандіозную систему экономической эксплуатаціи этой крестьянской массы. Они оставили за собой тѣ экономическія позиціи, безъ которыхъ они не могли бы удержать своей политической власти. Ибо большевицкая власть держится въ Россіи десять лѣтъ не только терроромъ, но такъ же и тѣмъ, что она въ исторически невиданныхъ размѣрахъ сумѣла использовать средства экономического принужденія какъ орудіе политическаго господства.

Опираясь на эти тыловыя позиціи, совѣтская власть стала осуществлять «куцый» социализмъ, поставивъ себѣ главными конкретными задачами: 1) подчиненіе всей хозяйственной жизни страны единому плану; 2) созданіе новаго капитала въ порядкѣ «соціалистическаго» накопленія; и 3) осуществленіе на основѣ этого новаго капитала — «индустриализаціи» страны въ американскомъ масштабѣ.

Все это должно закрѣпить за коммунистами «русскій плацдармъ» для подготовки міровой революціи. —

Итакъ, первая задача состояла въ томъ, чтобы, опираясь на экономическія командныя высоты (націонализованную крупную и среднюю промышленность, монополію внѣшней торговли, государственный торговый аппаратъ и монополію кредита и транспорта) — управлять всею хозяйственной жизнью страны согласно единому, вырабатываемому въ центрѣ плану и тѣмъ подчинить «анархическую» хозяйственную стихію 150-тимилліоннаго народа единой волѣ политической и хозяйственной диктатуры.

Для осуществленія этой цѣли, московскія совѣтскія учрежденія, съ затратой невѣроятнаго количества силъ, времени

и бумаги, вырабатываютъ ежегодно народно-хозяйственный планъ, называемый «Контрольныя цифры народнаго хозяйства» на такой-то годъ; кромѣ того, недавно законченъ разработкой (и уже признанъ самими большевиками совершенно неудовлетворительнымъ!) пятилѣтній планъ, такъ назыв. «пятилѣтка»; на ряду съ этимъ идетъ разработка такого же плана — уже на... пятнадцать лѣтъ...

Впервые детальныя «контрольныя цифры» были разработаны на 1925—26 годъ и опубликованіе ихъ было торжественно отпраздновано, какъ одно изъ самыхъ крушыхъ «достиженій» послѣднихъ лѣтъ въ области социалистическаго строительства.

«Контрольныя цифры» должны были явиться не только «прогнозомъ», но и «директивой». Въ развитіе ихъ составлялись уже операционныя планы по отдѣльнымъ отраслямъ хозяйства.

Первыя «контрольныя цифры» стремились «объять необъятное». Такъ они устанавливали общій уровень товарныхъ цѣлъ на каждый мѣсяцъ наступающаго года. Устанавливался за годъ впередъ не только точный размѣръ будущаго экспорта, но и размѣры денежной эмиссіи, кредитныхъ операцій и т. п.

Но первый же годъ этого торжества планового хозяйства былъ и годомъ перваго планового провала. Совѣтскіе планы потерпѣли жестокое крушеніе не только потому, что это было покушеніемъ съ негодными средствами, что планы были составлены плохо, но и потому, что хозяйственная жизнь сама по себѣ такой рационализаціи не поддается. Тамъ, гдѣ дѣло касалось производственныхъ плановъ казенной промышленности, приближеніе плановъ къ дѣйствительности было наибольшимъ. Здѣсь вопросъ шелъ лишь объ установленіи производственной способности фабрикъ и заводовъ при данныхъ условіяхъ; о сбытѣ при наличности товарнаго голода безпокоиться пока не приходилось. Но зато наибольшія расхожденія плановъ съ дѣйствительностью получались тамъ, гдѣ дѣло шло о планированіи такихъ «стихійныхъ» элементовъ хозяйства, которые по существу своему вообще планированію не поддаются. Въ Россіи такова была, конечно, прежде всего, вся область крестьянскаго (теперь фактически совпадающаго съ сельскимъ) хозяйства. Какія тяжелыя разочарованія пришлось испытать большеви-

камъ въ этой области, это они не разъ высказывали сами въ минуту отчаянія.

Столь же сильныя «просчеты» оказались въ области внѣшней торговли, въ выпускъ денегъ и въ сферѣ кредита. Это заставило составителей «контрольныхъ цифръ» въ слѣдующемъ, 1926—27 году, проявить значительно бѣльшую умѣренность и скромность. Теперь они уже не предсказываютъ и не предписываютъ движенія цѣнъ по мѣсяцамъ и вообще снабжаютъ свою экономическую астрологию цѣлымъ рядомъ оговорокъ.

Но и въ болѣе узкой области своего собственнаго, казеннаго, совѣтскаго хозяйства. большевики не могутъ добиться осуществленія и проведенія своихъ плановъ. Почти каждый день приходится читать о томъ, что совѣтскіе планы запаздываютъ и нерѣдки случаи, когда они утверждаются по окончаніи отчетнаго года, при этомъ они безконечно передѣлываются и перекраиваются, и это вноситъ огромную путаницу и анархію въ производство.

Такимъ образомъ, въ этомъ основномъ своемъ программномъ требованіи — планового хозяйства, подчиненія стихіи хозяйственной жизни планамъ экономической диктатуры, большевики потерпѣли самое серьезное поражение. «Жизнь идетъ мимо насъ». — сказалъ въ своей предсмертной рѣчи Дзержинскій. —

Какъ неоднократно признавались въ этомъ сами большевики, все совѣтское хозяйство, вся ихъ экономическая система была построена на «проживаніи», «проѣданіи», «растратѣ» — таковы ихъ подлинныя выраженія — полученныхъ въ наслѣдство отъ буржуазнаго строя, отъ дореволюціонной Россіи капиталовъ — будь то капиталъ денежный, или вещный (машинъ, желѣзно-дорожный подвижной составъ, дома и т. п.), или «живой» капиталъ, заключающійся въ накопленныхъ десятилѣтіями знаніяхъ и опытѣ инженеровъ, рабочихъ и т. д.

Еще «контрольныя цифры» на 1925—26 г. ставили задачу: «прекратить растрату основнаго капитала во всѣхъ тѣхъ отрасляхъ хозяйства, гдѣ этотъ процессъ еще имѣетъ мѣсто».

Что эта цѣль и сейчасъ — въ 1927 г. — не достигнута, объ этомъ свидѣтельствуетъ хотя бы передовая «Экономической Жизни» отъ 17 августа 1927 года: «Можно считать установлен-

нымъ, что въ теченіе послѣднихъ лѣтъ транспортъ хронически проѣдалъ свой основной капиталъ».

Но когда послѣ всѣхъ произведенныхъ разрушеній большевикамъ пришлось въ интересахъ самосохраненія и удержанія власти подумать о возстановленіи разрушеннаго. передъ ними всталъ роковой вопросъ о необходимости громадныхъ капиталовъ, исчисляемыхъ миллиардами золотыхъ рублей.

Откуда же взять капиталъ въ странѣ, гдѣ не только «растраченъ» и «проѣденъ» старый капиталъ, но гдѣ старательно уничтожены самыя побужденія и отсутствуютъ правоя предпосылки—для накопленія новаго капитала?

Дѣйствительно, единственная область, гдѣ происходитъ реальное накопленіе капитала въ совѣтской Россіи. это — сфера крестьянскаго хозяйства. Но здѣсь это накопленіе происходитъ почти исключительно въ формахъ натуральныхъ (увеличеніе количества скота, новыя постройки и т. п.), а поскольку происходитъ и въ денежной формѣ, крестьяне всего менѣе склонны довѣрять свои сбереженія совѣтской власти. Объ этомъ свидѣтельствуетъ статистика совѣтскихъ сберегательныхъ кассъ.

Другой теоретически возможный источникъ капитала это сама казенная промышленность. Это то «соціалистическое накопленіе» — о которомъ такъ много говорятъ большевики. Но здѣсь, какъ извѣстно, за немногими исключеніями, происходитъ не накопленіе новыхъ, а растрата старыхъ капиталовъ.

При такихъ условіяхъ, большевикамъ ничего не оставалось, какъ искать суррогатовъ накопленія капитала.

Сначала — въ 1925—26 г. — они разсчитывали получить большія суммы, необходимыя въ этомъ году для возстановленія разрушенной промышленности, однимъ смѣлымъ ударомъ, одной удачной спекуляціей: скупить задешево крестьянскій хлѣбъ и другіе сельско-хозяйственные продукты, использовавъ свое монопольное положеніе на рынкѣ, и продать этотъ хлѣбъ съ прибылью за границей.

Но тутъ-то на первыхъ порахъ оказалось, что «регулировать» мужика не такъ просто. Крестьяне хлѣбъ продавали неохотно; и чтобы побудить ихъ усилить продажу, совѣтскимъ закупочнымъ органамъ пришлось сильно поднять цѣны. Въ резуль-

татъ, вмѣсто спекулятивнаго «заработка» въ нѣсколько сотъ милліоновъ рублей, пришлось приплачивать по убыточному хлѣбному экспорту.

Тогда обратились къ другому источнику — выпуску денегъ. Но тѣмъ же контрольнымъ цифрамъ на 1925—26 г. выпускъ новыхъ денежныхъ знаковъ долженъ былъ достигнуть за годъ 830 милл. рублей и дать, такимъ образомъ, новыя значительныя средства на возстановленіе разрушенной промышленности. Но уже въ первые мѣсяцы, когда новая эмиссія едва достигла 200 милл. рубл., обнаружались явные признаки новой инфляціи (т. е. чрезмѣрности выпуска), со всеѣми ея опасными для совѣтскаго хозяйства послѣдствіями. Большевикамъ пришлось быстро затормозить дальнѣйшій выпускъ. Такимъ образомъ, и этотъ суррогатъ реального накопленія капитала не оправдалъ возлагаемыхъ на него надеждъ.

Тогда обратились къ третьему, наиболѣе реальному и дѣйствительному суррогату свободнаго накопленія капитала. Все виды налоговъ — въ первую очередь единый сельскохозяйственный налогъ и все косвенныя налоги были рѣзко повлщены; и отнынѣ почти вся тяжесть финансированія новаго промышленнаго строительства была перенесена на государственныя бюджеты.

По признанію Рыкова и другихъ большевизскихъ главарей и этотъ источникъ использованъ почти до предѣла возможнаго; между тѣмъ, изношенность стараго оборудования фабрикъ и заводовъ достигла такихъ размѣровъ, что и средствъ, добываемыхъ въ порядкѣ усиленнаго обложенія населенія — въ первую очередь крестьянства — не хватаетъ.

Такимъ образомъ, попытка замѣны свободнаго творчества и свободнаго сбереженія, творческаго образованія капиталовъ, которое во всеѣхъ странахъ даетъ средства для возстановленія и расширенія промышленности, замѣны ихъ социалистическими и спекулятивными суррогатами — потерпѣла полную неудачу. Этотъ вопросъ и не можетъ быть разрѣшенъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ возстановлены въ Россіи хозяйственныя и правовыя предпосылки накопленія капиталовъ и вообще сбереженія: производительное частное, а не паразитическое казенно-социалистическое хозяйство, и основанный на частной соб-

ственности прочный гражданскій порядокъ. —

Но далѣе можно было бы привести сотни свидѣтельствъ самихъ совѣтскихъ хозяйственниковъ, что совѣтская власть и при расходованіи собранныхъ денегъ оказывается расточителемъ и сквернымъ хозяиномъ.

Всѣ эти свидѣтельства и сейчасъ покрываются той характеристикой совѣтскаго хозяйствованія, которая болѣе года тому назадъ была дана Рыковымъ въ бюджетной рѣчи, произнесенной въ союзномъ ЦИК'ѣ:

«Капиталистъ, начинавшій лишь свою капиталистическую карьеру, сначала пѣшкомъ ходилъ нѣсколько лѣтъ, отказывая себѣ иногда въ самомъ необходимомъ, а потомъ уже покупалъ себѣ автомобиль, а у насъ часто начинаютъ съ автомобиля» («Экономическая Жизнь», 15 апрѣля 1926 г.).

За послѣдніе два мѣсяца опубликованы результаты цѣлаго ряда обследованій «капитального строительства», произведенныхъ, главнымъ образомъ, Рабоче - Крестьянской Инспекціей.

Выводы ихъ—съ небольшими отклоненіями и варіаціями—сводятся къ тому, что строительство ведется нерационально и дорого и что поэтому затраченныя суммы не даютъ того экономическаго эффекта, который они должны были бы дать въ нормальныхъ условіяхъ. И здѣсь Высшій Совѣтъ Народнаго Хозяйства, представляя Совѣту Труда и Оборона очередную докладъ по этому вопросу, счелъ нужнымъ избрать для него въ видѣ эпиграфа, слова того же Рыкова, сказанныя имъ почти годъ тому назадъ: «Мы строили не то, что надо, не тамъ, гдѣ надо, и не такъ, какъ надо» («Торгово-Промышленная Газета», 27 іюля 1927 г.).

Большевики одинаково не умѣютъ ни создавать новое, ни использовать имѣющееся. Безошибочный критерій въ данномъ случаѣ — высокая себѣстоимость издѣлій совѣтской промышленности. При этомъ всѣ категорическія приказанія и директивы, исходяція изъ центра, о сниженіи себѣстоимости, оказываются безсильными и неэффективными.

Не скрываютъ большевики и причинъ этой высокой себѣстоимости: «Высокій индексъ вздорожанія самъ по себѣ обусловливается скверной работой предпріятій», — читаемъ мы въ передовой «Экономической Жизни» отъ 14 ав-

густа с. г. А болѣе глубокая причина этой «скверной работы» совѣтской промышленности заключается, во-первыхъ, въ ея монопольномъ положеніи, при которомъ исключается важнѣйшій стимулъ къ удешевленію и улучшенію производства; и, во-вторыхъ, — въ замѣнѣ живительной частной инициативы и личной отвѣтственности предпринимателя инертностью, безличіемъ и безотвѣтственностью громадной бюрократической машины.

Такимъ образомъ, ни одна изъ поставленныхъ большевиками задачъ, въ порядкѣ осуществленія «куцаго» социализма, не была осуществлена. Хозяйственная «стихія» отказывается подчиняться совѣтскимъ планамъ. Въ казенной промышленности осуществленію ихъ мѣшаетъ безхозяйственность собственнаго аппарата. Проблема замѣны свободного образованія капиталовъ социалистическими суррогатами оказалась еще менѣе разрѣшимой. «Индустриализація» сводится, по утвержденію самихъ большевиковъ, къ безхозяйственному распыленію средствъ, не дающему надлежащаго экономическаго эффекта.

И только въ одномъ отношеніи—но совсѣмъ не «социалистическомъ»! — большевики имѣли успѣхъ: имъ въ общемъ удалось создать аппаратъ «перекачки» средствъ изъ крестьянскаго хозяйства въ свое, совѣтское хозяйство въ размѣрахъ, обезпечивающихъ непосредственныя потребности самой власти. Достигнуто это было, главнымъ образомъ, возстановленіемъ старой финансовой системы.

Можно было бы привести множество эпизодовъ изъ совѣтской печати, подтверждающихъ, что живой опытъ коммунистическаго хозяйничанья или, вѣрнѣе, совѣтской безхозяйственности изжить и продумать въ Россіи до конца. Иллюзіи, если они и были внушены коммунистической пропагандой русскимъ рабочимъ и крестьянамъ въ первые годы совѣтскаго господства, вывѣтрившись, истинная сущность совѣтской экономики, какъ системы небывалой экономической эксплуатаціи, ведущейся въ интересахъ коммунистической партіи и ея заправиль, выявилась во всей своей наготѣ.

Но этотъ опытъ, за который заплачено страшной цѣной разрушенія всего народнаго хозяйства Россіи, не только отрицательный. Доказательствомъ «отъ обратнаго» онъ выявилъ и

положительную цѣнность тѣхъ основъ, на которыхъ будетъ строиться Новая Россія — и имя которымъ частная собственность и свобода хозяйствованія.

Въ горнилѣ коммунизма народное сознание созрѣло въ ожиданіи того часа, когда вмѣстѣ съ уничтоженіемъ политической власти коммунизма «совѣтское хозяйство» завершитъ предначертанный ему кругъ.

В. Гефдингъ.

I. ИСТОРИЧЕСКОЕ БРЕМЯ РОССИИ.

Мужайся, стой, крѣпись и одолѣй!

Тютчевъ.

Найна патриотическая скорбь о революціонномъ крушеніи Россіи не должна оставаться простымъ, томительнымъ и безплоднымъ чувствомъ: она должна быть претворена — сначала въ историческое разумѣніе путей и судебъ нашей родины. потомъ въ систему волевыхъ рѣшеній и дѣйствій. Россія ждетъ отъ насъ не унынія, а духовной зоркости; не утомленной растерянности, а волевой идеи; не обывательскихъ слезъ, а гражданственныхъ поступковъ. И главное: непоколебимой вѣры въ духовныя силы и въ грядущее величіе русскаго народа.

Революціонное крушеніе настигло Россію не просто потому, что кто-то изъ современниковъ «не справился» и «надѣлалъ ошибокъ»: и не только потому, что русская интеллигенція шла сама и вела народъ по невѣрнымъ путямъ; — но прежде всего потому, что бремя, исторически возложенное на русскій народъ было чрезвычайно велико. Оно было гораздо болѣе тяжкимъ, чѣмъ бремя западно-европейскихъ народовъ; а сроки, необходимые для того, чтобы управиться съ этимъ бременемъ, были исторически урѣзаны и сокращены. На протяженіи своей исторіи русскій народъ жилъ въ болѣе тяжелыхъ условіяхъ, чѣмъ западные народы; его задачи были болѣе велики, сложны и трудны; онъ сформировался и выступилъ позднѣе другихъ народовъ; его развитіе было прервано и задержано близостью къ Азіи; онъ съ самаго начала «опаздывалъ» и долженъ былъ все время «догонять»; и потому его хозяйство, его гражданская цивилизація и его умственная и волевая культура были менѣе укоренены, менѣе интенсивны, менѣе организованы. Народъ, духовно одаренный, самобытный и глубокій, не успѣлъ еще проработать земную кору своего существованія, овладѣть своей матеріальной и душевной природой и развернуть свои силы. Въ этомъ и состоитъ основная задача нашего будущаго.

Нижеслѣдующія соображенія, подкрѣпленные статистическими данными (въ круглыхъ цифрахъ) должны быть продуманы до конца каждымъ русскимъ патриотомъ.

1. Во время великаго переселенія народовъ (100 г. до Р. Х. — 1000 г. послѣ Р. Х.) славянскія племена пришли въ Европу позднѣе другихъ (въ частности, германскихъ) племенъ и на долю имъ достались восточно-европейскія земли, гораздо менѣе благопріятствующія расцвѣту хозяйственной и государственной культуры.

а) К л и м а т ъ западной Европы — уравновѣшенный, морской и теплый (вліяніе Гольфштрома); страна открыта для западныхъ и юго-западныхъ, теплыхъ и влажныхъ вѣтровъ; среднее годовое количество осадковъ отъ 60 до 150 сантиметровъ; зима короче и теплѣе, лѣто длиннѣе и менѣе жгуче: обиліе горъ и непересыхающихъ рѣкъ; въ общемъ — природа поощряетъ культуру, не затрудняя человѣка.

Климатъ Россіи — неуравновѣшенный, континентальный и суровый; вліяніе Гольфштрома слабо; западные вѣтры теряютъ свою влажность; появляются сухіе вѣтры — сѣверные, сѣверо-восточные, восточные; среднее годовое количество осадковъ отъ 30 до 60 сантиметровъ, а къ востоку ниже 30-ти; чѣмъ далѣе на востокъ и сѣверо-востокъ, тѣмъ сильнѣе колебанія температуры; зима длиннѣе и холоднѣе, лѣто короче и суше; горы маячатъ только по краямъ; равнина не защищена ни отъ сѣверныхъ вѣтровъ, ни отъ дыханія средне-азиатскихъ пустынь; въ общемъ — природа затрудняетъ человѣка и недостаточно благопріятствуетъ развитію культуры.

б) Россія, какъ страна, есть огромный массивъ суши. Природа лишила ея всѣхъ даровъ открытаго моря. Правда, на 70 000 километровъ ея государственнхъ границъ приходилось 46 000 кил. морской границы. Однако, болѣе половины этой морской линіи выходитъ въ Сѣверный океанъ; Балтійское море и Тихій океанъ не даютъ ей незамерзающихъ портовъ; а прямыхъ выходовъ не открываетъ ей ни Черное, ни Балтійское море. Въ торговомъ отношеніи страна задыхается безъ моря. Соотношеніе же береговой линіи и размѣровъ территоріи такого: въ Греціи 1 : 3; въ Европѣ 1 : 37; въ Россіи 1 : 101. Выходъ къ морю есть величайшее и труднѣйшее національное заданіе Россіи. Изъ всѣхъ европейскихъ государствъ въ сравнительно менѣе благопріятномъ положеніи находились развѣ только Австро-Венгрія и Швейцарія.

в) Роковое значеніе для Россіи имѣетъ незащищенность ея границъ. Ея равнина открыта для нападений съ сѣверо-запада, съ запада, съ юго-запада, съ юга и съ юго-востока. Все великое переселеніе народовъ шло черезъ ея просторы; и именно на нее обрушилась послѣдняя, татарская волна изъ Азіи. Возникая и слагаясь, Россія не могла опереться ни на какіе естественные рубежи; она имѣла только два исхода: или завоевывать всю равнину и оружіемъ защищать и замирать свои окраины, или гибнуть

подъ ударами восточныхъ кочевниковъ и западныхъ завоевателей. Вотъ почему наша исторія есть исторія непрерывнаго военнаго напряженія, исторія самообороны и осады; отъ Дмитрія Донскаго до смерти Петра Великаго Россія проевала $\frac{5}{6}$ своей жизни; издревле русскій пахарь погибалъ безъ меча, а русскій воинъ кормился косою и сохою. Такъ возникъ въ Россіи и сословно-крѣпостной строй — изъ необходимости все учесть и все использовать для обороны страны. Исторія русскаго народа есть исторія его самоотверженнаго служенія; и забота нашихъ предковъ была всегда не о томъ, какъ лучше устроиться или какъ легче прожить, а о томъ, какъ вообще прожить, продержаться хоть какъ-нибудь, справиться съ очередною опасностью.

Итакъ, исторія возложила на насъ борьбу съ суровымъ климатомъ и природой, и борьбу за открытое море; она затруднила намъ борьбу съ сосѣдями за наше мѣсто подъ солнцемъ и борьбу съ пространствомъ за естественные рубежи. Этимъ предопредѣляется, но далеко не исчерпывается то историческое бремя Россіи, которое отъ времени до времени (въ среднемъ разъ въ сто лѣтъ) вызываетъ колебаніе и смуту въ русской душѣ.

2. Необходимо признать, что хозяйственная, государственная и культурная организація народной жизни тѣмъ труднѣе, чѣмъ больше территория страны и чѣмъ многочисленнѣе ея населеніе (конечно, при прочихъ равныхъ условіяхъ). Большое государство должно прежде всего подчинить себѣ пространство, эту разбрасывающую, разъединяющую и выводящую изъ подчиненія силу; и затѣмъ вовлечь въ свою жизнь, — взимая и давая, служа и заставляя служить, обороняя и воспитывая, — несмѣтное множество человѣческихъ душъ. Чѣмъ обширнѣе территория и населеніе страны, — тѣмъ болѣе укорененнымъ должно быть правосознаніе, тѣмъ болѣе сильной должна быть патріотическая спайка народа, тѣмъ болѣе авторитетною и крѣпкою должна быть волевая сила центральной власти. Малое государство несравненно легче строить, чѣмъ большое.

До войны 1914 г. Россія занимала свыше 22 милліоновъ кв. километровъ въ одномъ кускѣ безъ колоній. Метрополии другихъ важнѣйшихъ европейскихъ государствъ составляли: Германія 540 тысячъ кв. кил.; Франція 536 тысячъ кв. кил.; Австро-Венгрія 300 тысячъ кв. кил.; Италія 286 тысячъ кв. кил.; Великобританія (съ Шотландіей и Ирландіей) 230 тысячъ кв. кил.; Швейцарія 41 тысячу и Бельгія 29 тысячъ кв. кил.

До войны 1914 года населеніе Россіи составляло около 173 милліоновъ людей. Населеніе Германіи приближалось къ 65 милліонамъ; Франціи — къ 40 милліонамъ; Австро-Венгріи — къ 50 милліонамъ; Италіи — къ 35 милліонамъ; Ве-

ликобританіи (съ Ирландіей) — къ 43 милліонамъ; Швейцаріи — къ $3\frac{1}{2}$ милліонамъ; Бельгіи — къ $7\frac{1}{2}$ милліонамъ.

По массиву своей территоріи Россія превосходила всѣ государства всего свѣта и бремя ея было наибольшимъ. По массиву населенія она уступала только Британской Индіи (320 милліоновъ людей на 4,8 милліонахъ кв. кил.) и Китаю (около 420 милл. людей на $8\frac{1}{2}$ милліонахъ кв. кил.).

3. Необходимо признать, что недостаточная плотность населенія въ высокой степени затрудняетъ дѣло хозяйственной и государственной организаціи жизни. Она ведетъ къ тому, что разъединяющая сила пространства ослабляетъ центростремительную силу національнаго тяготѣнія; государственная спайка не пріобрѣтаетъ настоящей прочности; интенсивное хозяйство не слагается; торговый оборотъ является вялымъ; культура проникаетъ медленно и быстро вывѣтривается (ср. Германію въ началѣ девятнадцатаго вѣка).

Данныя о плотности населенія приведены въ первой книжкѣ «Русскаго Колокола». Достаточно сказать, что Еврейская Россія съ ея 25 жителями на 1 кв. километръ занимала въ Европѣ 20-е мѣсто; меньшей плотностью обладали въ Европѣ только Швеція (12 чел. на 1 кв. кил.), Норвегія (7), Андорра (11) и мало обитаемые острова. Наибольшую плотность въ Европѣ имѣли Бельгія (253), Голландія (176), Великобританія (145) и Германія (120).

4. Далѣе, надо имѣть въ виду, что государственное и культурное строительство бываетъ тѣмъ труднѣе, чѣмъ разнообразнѣе и пестрѣе національный составъ государства; и наоборотъ. — тѣмъ легче, чѣмъ болѣе расовой единственности и племенного единенія въ народѣ.

Нація опредѣляется: расой и племенемъ (кровь); роднымъ языкомъ; религіознымъ укладомъ души; историческимъ самосознаніемъ, вынесеннымъ изъ прошлаго; и вырастающей изъ всего этого духовной культурой.

Въ смыслѣ племеніи Европа знаетъ страны съ совершенно однороднымъ населеніемъ германскаго племени — Швеція, Норвегія, Данія, Голландія. Сравнительно одородны также романскія государства — Франція, Италия, Испанія, Португалія. Въ Англіи 89% составляютъ англосаксы и 11% кельты. Въ довоенной Германіи имѣлось 92% германцевъ, 6% поляковъ и 2% датчань, французовъ и евреевъ. Въ Австро-Венгріи насчитывалось 46% славянъ, 25% германцевъ, 18% венгровъ, 7% румынъ и 2% итальянцевъ. Ни одна страна не имѣла той расовой и племенной пестроты, какую имѣла Россія (см. первую книжку «Русскаго Колокола»). Въ настоящее время Академія Наукъ насчитываетъ до 165 народностей, живущихъ въ Россіи.

Также обстоитъ дѣло и съ роднымъ языкомъ. Въ довоенной Европѣ наибольшей пестротой языка отличались Австро-

Венгрія; Швейцарія, въ которой 70% считали роднымъ нѣмецкій языкъ, 22% — французскій и 7% — итальянскій; и Бельгія, гдѣ 41% населенія говоритъ на фламандскомъ языкѣ. 37% — на французскомъ и 12% на обоихъ языкахъ.

Въ дѣлѣ религіи государства Западной Европы почти свободны отъ нехристіанскаго элемента: такъ, Болгарія насчитывала турокъ и евреевъ 1,5%; Германія насчитывала евреевъ и «виѣ-исновѣдныхъ» 0,8%; Франція — 0,15. Въ Россіи же насчитывалось почти 16% нехристіанъ: 4,2% евреевъ; 11,1% магометанъ; 0,3% буддистовъ и ламантовъ; и 0,2% иныхъ.

Ясно, что во всѣхъ этихъ отношеніяхъ историческое бремя Россіи было н а и б о л ь ш и м ъ .

5. Установимъ, наконецъ, что въ каждомъ государствѣ національная, хозяйственная, правовая и умственная культура должна была и могла проникнуть тѣмъ глубже въ народную толпу, чѣмъ болѣе времени прошло съ послѣдняго переселенія народовъ. И обратно: чѣмъ короче срокъ, протекшій послѣ вторженія пришельцевъ, тѣмъ труднѣе и неблагопріятнѣе положеніе всей національной культуры.

Уже къ концу восьмого вѣка въ Западную Европу вторглась вся основная масса переселявшихся народовъ (готовъ, гунновъ, бургундовъ, аллемановъ, франковъ, вандаловъ, лангобардовъ, баваровъ, аваровъ и славянъ); это были не кочевники, а осѣдые народы, искавшіе себѣ мѣста и осѣдлости и добивавшіеся у римлянъ именно прочнаго поселенія. Два три вѣка продолжалась еще борьба съ ними: племена разсаживались, утрясались, принимали христіанство, ассимилировались и замирялись (эпоха Карла Великаго, конецъ восьмого и начало девятого вѣка). Въ девятомъ и десятомъ вѣкахъ Европа боролась еще съ н о р м а н с к и м и вторженіями. Въ концѣ десятого вѣка Испанія пережила нашествіе м а в р о в ъ . Въ одиннадцатомъ вѣкѣ норманны завоевали Англію. И, тѣмъ не менѣе, въ общемъ, процессъ новаго національнаго формировація, необходимаго для культурнаго строительства, ведетъ въ Европѣ свое начало отъ девятого вѣка. При этомъ великое переселеніе народовъ не сломило, а породило и о п л о д о т в о р и л о этотъ процессъ: новыя націи и новая культура родились изъ него и б л а г о д а р я ему. Совсѣмъ иначе обстояло въ Россіи.

За девятый, десятый, одиннадцатый и двѣнадцатый вѣкъ восточное славянство успѣло расселиться, утрястись, противостать кочевникамъ, принять христіанство, заложить основы государственнаго быта и правопорядка, и приступить къ созиданію той дивной и самобытной культуры (религіозный бытъ, школа, дружина, пѣсня, былина, живопись, архитектура, лѣтопись, право), слѣды которой уцѣлѣли донынѣ и донынѣ вол-

нують душу своею духовною — христіанскою и общечеловѣческою значительностью. Вторженіе татаръ началось въ XIII вѣкѣ, съ 1237 года; это были не осѣдлыя племена, а кочевники; они грабили, разрушали и жгли; они принесли на готовую завязь культуры и на три четверти смыли ее; они облагали данью и уходили, съ тѣмъ, чтобы придти опять и закрѣпить огнемъ и кровью свое иго. Татарское иго длилось формально 250 лѣтъ. Куликова битва (1380) не покончила съ нимъ; за нею послѣдовалъ еще вѣкъ погромовъ: 1381 (Тохтамышъ), 1395 (Гамерланъ), 1408 (Едигей), 1439 (Махметъ), 1445 (Махметъ), 1451 (Мазовна) и т. д. Іоаннъ III свергъ иго, но не избавилъ Русь отъ татаръ. Послѣдній разъ Москва была сожжена при Іоаннѣ Грозномъ въ 1571 году, крымскимъ ханомъ Девлетъ-Гиреємъ, и обложена Казы-Гиреємъ въ 1591 году.

Здоровый ростъ и развитіе Россіи были прерваны и искажены татарскимъ игомъ и задержаны имъ не менѣе, чѣмъ на 300 лѣтъ. Героическій отпоръ, которымъ мы встрѣтили татаръ, не избавилъ отъ ига Россію. но спасъ отъ вторженія Западную Европу: ея спокойный ростъ былъ огражденъ и обезпеченъ несчастіемъ и страданіями русскаго народа. Съ тѣхъ поръ вся исторія Россіи состояла въ томъ, что она отстаивала свою самобытность отъ вторженія обогнавшихъ насъ западныхъ народовъ и догоняла ихъ въ дѣлѣ цивилизаціи и культуры. Всѣ великіе русскіе люди понимали, что если мы не «догонимъ» Запада, то мы будемъ имъ завоеваны и поработены. И событія послѣднихъ лѣтъ были столь тягостны для Россіи именно потому, что въ данные намъ историческіе сроки догнать западную цивилизацію намъ еще не удалось.

Правда, Россіи удалось достигнуть очень многого въ эти урѣзанные сроки. Такъ, крѣпостное право, отмѣненное въ Германіи всего лишь въ 1809—1832 г.г. на условіяхъ весьма невыгодныхъ для крестьянъ, было отмѣнено въ Россіи черезъ 50 лѣтъ (1861) на условіяхъ несравненно болѣе благоприятныхъ («Русскій Колоколъ» дастъ объ этомъ особую справку). Такъ, Италія создала свой первый университетъ въ XI вѣкѣ, то-есть черезъ два или три вѣка послѣ переселенія народовъ; а Германія — въ XIV вѣкѣ, т. е. почти черезъ шесть вѣковъ послѣ побѣды Карла Великаго. Россія же основываетъ свой первый университетъ всего черезъ 275 лѣтъ послѣ того, какъ Іоаннъ III растопталъ регалии татарскаго хана. Такъ, первая желѣзная дорога въ Россіи (между С.-Петербургомъ и Царскимъ Селомъ) была построена въ 1838 г., всего черезъ 13 лѣтъ послѣ открытія первой желѣзной дороги въ Англій; а къ 1914 году общее протяженіе желѣзнодорожной сѣти въ Германіи и въ Россіи было приблизительно одинаково. Однако, размѣры Россіи требовали, чтобы это протяженіе было не «одинаково», а въ 12 разъ больше, чѣмъ въ Германіи.

Всѣ эти достиженія Россіи *), при всемъ ихъ размѣрѣ, при всей даровитости русскаго народа и при всѣхъ его напряженіяхъ — обнаруживали всегда его сравнительную отсталость, въ которой никто не «виновать», но которая опредѣляется всецѣло даннымъ намъ историческимъ бременемъ.

Для того, чтобы справиться съ этимъ бременемъ, Россіи нужно время, воздержаніе отъ войнъ и внутренней расцвѣтъ на основахъ религіи, просвѣщенія, правопорядка и свободной собственности.

Редація.

II. РУССКАЯ ЭМИГРАЦІЯ ВЪ ЦЫФРАХЪ.

Трудно сейчасъ найти страну, въ которой бы не находилось «въ разсѣяніи сущихъ» или «неукротимыхъ». Какъ назвала русскихъ бѣженцевъ въ своей великолѣпной книгѣ наблюдавшая ихъ въ Константинополѣ писательница-англичанка. Объ ихъ повсемѣстномъ распространеніи показательно говорить хотя бы то, что международное соглашеніе относительно предоставленія русскимъ эмигрантамъ особаго удостовѣренія для проживанія за границей принято сейчасъ 49 государствами изъ общаго числа немногимъ свыше 50 въ обоихъ полушаріяхъ. И все-таки даже столь невиданнаго количества подписей подъ международной конвенціей оказалось недостаточно. На-дняхъ объ этомъ напомнилъ одинъ изъ «неукротимыхъ», удачно устроившійся въ далекомъ Гондурасѣ, возбудивъ ходатайство о выдачѣ ему бѣженскаго паспорта. На его бѣду оказалось, что у Гондураса до сихъ поръ не было основаній интересоваться упомянутой конвенціей. Всѣ почти остальные цивилизованныя страны очевидно уже имѣли дѣло съ такими ходатайствами, иначе имъ было бы не къ чему вводить у себя бѣженскія удостовѣренія.

На вопросъ объ общей численности русскаго разсѣянія точнаго отвѣта дать нельзя. Нѣтъ такой статистики, которая бы позволяла произвести точный ихъ учетъ. И не можетъ ея быть, пока не существуетъ единого формально однообразнаго признака бѣженства (бѣженскія удостовѣренія не вездѣ обязательны); пока и эмигранты и власти въ нѣкоторыхъ случаяхъ заинтересованы не давать яснаго отвѣта на подобный вопросъ.

Но существуетъ рядъ довольно надежныхъ данныхъ, позволяющихъ все же составить вѣрную общую характеристику эми-

*) Къ ихъ статистической характеристикѣ «Русскій Колоколъ» будетъ постоянно возвращаться.

граціи. Самыми свѣжими и достовѣрными изъ нихъ являються тѣ, что собраны бѣженской секціей междунагоднаго бюро труда на основаніи особой анкеты, на которую большинство правительствъ сообщило цифровыя данныя по ряду пунктовъ. На основаніи этихъ данныхъ, приведенныхъ въ послѣднемъ докладѣ верховнаго комиссара по бѣженскимъ дѣламъ Лигѣ Націй и дополненныхъ нѣкоторыми подсчетами съ мѣстъ, численность и разселеніе эмигрантовъ по странамъ въ настоящее время таковы:

Страны	Всего русскихъ бѣженцевъ	Въ томъ числѣ		Учащихся въ в. у. з.
		безработныхъ (къ труду способныхъ)	по способнымъ къ труду	
Австрія	2 465	250	320	50
Англія	3 000 *)	д а н н ы х ъ н ѣ т ѣ .		
Бельгія	5 000 †)	д а н н ы х ѣ н ѣ т ѣ .		
Болгарія	26 494	5 500	3 838	256
Венгрія	5 294	—	1 901	71
Германія	150 000 †)	д а н н ы х ѣ н ѣ т ѣ .		
Греція	2 075	881	134	25
Данія	300)	—	—	—
Испанія	500	—	—	—
Италія	1 154	427	203	71
Китай	76 000	17 000	10 917	380
Латвія	40 000	3 000	11 500	25
Лигва	10 000	1 500	3 500	140
Польша	90 000	40 000	—	108
Королевство С. Х. С. . .	35 350	6 488	2 470	4 200
Турція	3 000	2 879	538	—
Финляндія	18 000	4 000	6 000	1 130
Франція	400 000 †)	д а н н ы х ѣ н ѣ т ѣ .		
Швейцарія	2 268	—	220	—
Швеція	1 000)	—	—	—
Чехословакія	30 000	3 600	4 500	6 500
Всего русскихъ бѣженцевъ, включая и другія страны	919 000 *)	99 706	47 000	14 000

Въ общемъ можно установить, не впадая въ большую ошибку, что всего по бѣлу свѣту въ настоящее время бѣженствуетъ около м и л л і о н а душъ, не по своей волѣ оторвавшихся отъ

*) Все данныя, отмѣченныя звѣздочкой, приблизительны. Въ главныхъ странахъ разселенія бѣженцевъ (Германія, Франція, Бельгія) правительственныя власти сообщили все-таки данныя о бѣженцахъ, въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, онѣ оказались не въ состояніи сдѣлать это. Румынія ограничивается упоминаніями, что у нея имѣется бѣженцевъ «нѣсколько десятковъ тысячъ», — не приводя никакихъ пояснительныхъ свѣдѣній. Кроме того, надо имѣть въ виду, что нѣкоторое количество тѣхъ, кто въ общезвѣстнѣ слыветъ «русскими бѣженцемъ», — формально относится къ числу армянскихъ (всего около 170 000 не включенныхъ въ таблицу), для которыхъ установлено совершенно еходное, по особое удостовѣреніе.

Россіи. Среди них насчитывается около 22 000 студентовъ (14 000 учащихся еще и свыше 7 500 окончившихъ уже высшую школу за рубежомъ).

Распредѣленіе эмигрантовъ по отдѣльнымъ странамъ носить, конечно, временный характеръ, хотя и менѣе случайный, чѣмъ въ первые года. Главнымъ пріемникомъ бѣженскихъ волнъ послѣ Германіи и Константинополя оказалась теперь Франція, гдѣ, можно думать, большинство осядетъ. Послѣ критическихъ 1922—23 г.г., когда въ Константинополѣ, а потомъ на Балканахъ образовались пробки, — распредѣленіе эмигрантовъ въ послѣдніе года идетъ медленнѣе. Ему препятствуетъ экономическій кризисъ Европы. Иначе бы русскимъ, показавшимъ себя повсюду съ хорошей стороны и огульныхъ упрековъ нигдѣ не вызвавшимъ, было бы много легче обосноваться. За океанъ пока удалось перебраться сравнительно очень немногимъ. На первомъ мѣстѣ по числу бѣженцевъ стоятъ тамъ Аргентина, Парагвай и нѣкоторые западные штаты Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

Трудна, непосильна для слабыхъ борьба за устройство на чужбинѣ. Но зато великъ тотъ жизненный опытъ, который однажды принесутъ на родину сильные, одолѣвшіе въ этой борьбѣ. А ихъ сотни тысячъ, — даже если увеличить въ нѣсколько разъ приведенную выше, завѣдомо уменьшенную, цифру неспособныхъ къ труду.

Б. Никольскій.

III. О ПРИЗНАНИИ СОВѢТСКОЙ ВЛАСТИ.

(Правила и совѣты).

Вопросъ о признаніи совѣтской власти — не новый вопросъ: онъ всталъ передъ сознаніемъ каждаго русскаго гражданина съ самаго момента октябрьскаго переворота въ 1917 году. Съ тѣхъ поръ прошло десять лѣтъ. За эти десять лѣтъ природа совѣтской власти, сущность ея цѣлей и ея образа дѣйствій—проявились съ полною и окончательною наглядностью. И теперь, когда и въ Западной Европѣ начинаютъ вѣрно разумѣть и оцѣнивать это явленіе, — русскому человеку трудно и стыдно ссылаться на свою «неосвѣдомленность» и «непониманіе». Мы можемъ отпираться отъ того, что всѣ русскіе (за исключеніемъ дѣтей) знаютъ и понимаютъ природу совѣтской власти (обязаны знать! не смѣютъ не понимать!); и все же мы считаемъ необходимымъ практически допустить возможность того, что есть люди не все знающіе или не все додумавшіе до конца (особенно среди наивныхъ «возвращенцевъ»). Для бесѣдъ съ ними, а также для борьбы со всевозможными соблазнами—большеви-

ками, «смѣнорѣховцами», «засыпателями рва», членами «республиканско-демократическаго объединенія» и другими недругами національной Россіи, — считаемъ полезнымъ высказать слѣдующія разъясненія, обобщенія и совѣты.

1. Понятіе «признанія» можетъ употребляться въ нѣсколькихъ различныхъ значеніяхъ (не меньше, чѣмъ въ четырехъ) и всѣ соблазнительно пользуются этимъ обстоятельствомъ для своего дѣла. Такъ, слова «я признаю» могутъ означать слѣдующее:

- I. я считаю, что ты въ дѣйствительности существуешь, какъ фактъ: дѣйствуешь, посягаешь, называешь себя «всесоюзнымъ правительствомъ», собираешь налоги, мученіями и страхомъ навязываешь свою волю русскому народу и стараешься использовать всѣ его силы для осуществленія міровой революціи; или —
- II. я считаю тебя субъектомъ права, который за совѣсть чтитъ законы; который добросовѣстно желаетъ соблюдать свои обязательства, уважаетъ чужія права и не считаетъ, что «все дозволено»; съ которымъ поэтому имѣетъ смыслъ заключать договоры и распредѣлять права и обязанности; или же —
- III. я считаю тебя законною властью моей родины; властью, которая добросовѣстно служить національно-патріотической цѣли и для которой благо Россіи есть дѣйствительно высшая цѣль; именно поэтому я могу, я хочу, я обязанъ поклясться тебѣ въ вѣрности передъ лицомъ Божиимъ и передъ лицомъ моей совѣсти (присяга!); я обязуюсь въ случаѣ надобности умереть за тебя и за торжество твоего дѣла (воннская повинность!).

Въ первомъ смыслѣ — «ты еси фактъ» — весь міръ вотъ уже десять лѣтъ «признаетъ» совѣтскую власть: одни наблюдаютъ этотъ фактъ; другіе борются съ нимъ; третьи поддерживаютъ его; четвертые — наши братья въ Россіи — вынуждены даже исполнять предписанія этой власти и отъ времени до времени (анкеты!) свидѣтельствовать ей о своемъ повинненіи и, можетъ быть даже — о «сочувствіи».

Во второмъ смыслѣ — «ты еси субъектъ права» — совѣтская власть «признана» цѣлымъ рядомъ государствъ, которыя съ тѣхъ поръ постоянно имѣютъ возможность на суровомъ опытѣ провѣрять, дѣйствительно ли она чтитъ за совѣсть законы международнаго и торговаго общенія. отвергаетъ ли она вседозволенность, уважаетъ ли верховныя права признавшихъ ее правительствъ и т. д. На самомъ дѣлѣ совѣтская власть съ самаго начала всю свою теорію и практикою отрицала право и правосознаніе; вся ея работа

направлена на то, чтобы побудить къ этому и другіе народы: приче́мъ она всегда открыто высказывала это. Съв.-Амер. Соединенные Штаты поняли это давно; Англія постигла это на опы́тъ недавно.

Въ третьемъ смыслѣ — «ты еси законная патріотически-національная власть моей родины» — совѣтская власть не можетъ быть «признана» ни однимъ русскимъ человѣкомъ: и притомъ потому, что она сама открыто отрицаетъ и свою законность, и свою патріотичность, и свою національную природу. Поэтому тотъ, кто говоритъ о такомъ своемъ признаніи — тотъ лжетъ и притомъ лжетъ завѣдомо; и всѣхъ такихъ «признавателей» совѣтская власть всегда презирала и издѣвалась надъ ними, называя ихъ въ глаза лжецами.

2. Совѣтская власть добивается отъ русскихъ людей совѣмъ иного «признанія» (четвертое значеніе): стать ея «гражданиномъ» значить отречься отъ родины и національности (интернационализмъ), отречься отъ Бога (атеизмъ), отречься отъ духа, отъ совѣсти и чести (матеріализмъ), отречься отъ принципа собственности (коммунизмъ), и посягнуть на эти начала во всемъ мірѣ посредствомъ пропаганды, подкуна, лжи и террора (революціонность).

Именно поэтому обязательство «всеми силами содѣйствовать распространенію міровой революціи» было включено въ уставъ всѣхъ совѣтскихъ профессиональныхъ союзовъ; а въ красно-армейской присягѣ говорится объ обязательствѣ не щадить «самой жизни» за дѣло «соціализма», «братства народовъ» и «освобождения всѣхъ трудящихся».

Поэтому «признающей» совѣтскую власть — или лжетъ себѣ, Богу, людямъ и коммунистамъ; или отрекается отъ Бога и родины, и посягаетъ на всю міровую духовную культуру.

3. Во всѣхъ возможныхъ спорахъ совѣтуемъ прежде всего устанавливать, понимаютъ ли присутствующіе, что значить «признать» совѣтскую власть.

Если они не понимаютъ, то надо разъяснить, что признающей — или ставить себя въ глупое положеніе завѣдомаго и презираемаго лжеца, или добросовѣстно обязуется служить дѣлу безбожія и міровой гибели.

Если же присутствующіе понимаютъ смыслъ своего поступка и уже примирились съ нимъ, то совѣтуемъ спора не продолжать: это — люди, уже соскользнувшіе въ пропасть, и если они могутъ поумнѣть, то только отъ личнаго опыта страданій и униженій. Ихъ не слѣдуетъ отговаривать отъ возвращенія въ Россію; напротивъ, пусть они не засоряютъ собою рядовъ патріотической эмиграціи, пусть скорѣе идутъ навстрѣчу своей судьбѣ.

4. Русскимъ людямъ, еще не поддавшимся соблазну, необходимо разъяснять и сообщать еще слѣдующее:

а) Нелѣпо думать, что «сильный всегда правъ». Насильникъ, обидѣвшій ребенка, заслуживаетъ строгой кары, а не сочувствія; римскія власти, убивавшія христіанскихъ мучениковъ, творили злое и безцѣльное дѣло; татары терзавшіе Русь триста пятьдесятъ лѣтъ (1237 г. битва на Калкѣ — 1591 г. обложеніе Москвы Казы-Гиреемъ), заслуживали меча, а не «признанія»; люди, похищающіе дѣвушекъ и продающіе ихъ въ дома разврата заслуживаютъ висѣлицы. Только низкія натуры «сочувствуютъ» всегда «побѣдившему». Право никогда не родится изъ голой силы, но всегда изъ правовой совѣсти (правосознаніе!), поддержанной силою. Благородный побѣждаетъ уже однимъ тѣмъ, что онъ правъ передъ лицомъ Божиимъ: сила же придетъ къ нему, когда онъ создастъ волевою организацію.

б) Нелѣпо думать, что «долгій срокъ дѣлаетъ любую власть государственною». Въ жизни великаго народа десять лѣтъ есть не «долгій», а весьма короткій срокъ; это всего одна четверть срока, необходимаго для смѣны одного поколѣнія. Срокъ самъ по себѣ не создаетъ ни права, ни государства: давнишній разбойникъ — есть лишь закоренѣлый разбойникъ, а не честный гражданинъ; давнишній тиранъ — есть лишь ловкій тиранъ, а не законный правитель. Власть становится государственною — черезъ свою преданность родинѣ, черезъ отказъ отъ партійнаго интереса, черезъ насажденіе правопорядка, черезъ свою законную форму, черезъ признаніе ея за совѣсть со стороны правосознанія гражданъ.

в) Нелѣпо думать, что «большой размахъ и большая территория дѣлаютъ власть національною». Злодѣйство, принявшее міровой размахъ — не создаетъ ни родины, ни государственности; непріятель, оккупировавшій на войнѣ большую территорию, не есть тѣмъ самымъ національная власть. Национальная природа власти опредѣляется не размахомъ и не территоріей, а тою цѣлью, на которую направлены ея усилія. Власть, высасывающая русскаго крестьянина, русскаго рабочаго и русскую интеллигенцію ради добыванія средствъ на міровую революцію — никогда національною не будетъ.

г) Кошунственно думать, что «все совершающееся на свѣтѣ, совершается по волѣ Божіей». Это значило бы

утверждать, что всѣ человѣческія злодѣйства совершаются по волѣ Божіей — всѣ предательства, замучиваніе героевъ, всякое кощунство, развращеніе дѣтей, ложь, развратъ и насиліе. Если сатана захватилъ власть, то это совершается не волею Божіею, а попущеніемъ Его, и это попущеніе возлагаетъ на насъ прямую задачу борьбы съ сатанинской властью.

- е) Нелѣпо говорить, что «отрицающій совѣтскую Россію, отрицаетъ и самую Россію». Мы отвергаемъ не Россію, а коммунистическіе совѣты въ Россіи. Россія дорога намъ и въ бѣдѣ, и въ стыдѣ, и въ страданіяхъ, и въ соблазнахъ; но именно поэтому мы хотимъ освободить ее отъ бѣды, отъ стыда, отъ соблазна и страданій. Отецъ отвергаетъ не «больную дочь», а болѣзнь дочери; и потому лѣчитъ ее. Сынъ пытается устранить не «огорченную мать», а горе матери; и потому заботится о ней и утѣшаетъ ее. Именно борясь съ совѣтскою властью. — самую борьбою нашею — мы бережемъ Россію.

5. Всѣмъ наивнымъ возвращенцамъ и колеблющимся отъ слабости — слѣдуетъ указывать и разъяснять слѣдующее:

- а) всякій эмигрантъ, открыто возвращающійся въ Россію изъ эмиграціи, долженъ быть твердо увѣренъ, что онъ значится въ скорбныхъ листахъ большевицкой полиціи;
- б) по прибытіи въ совѣтскую Россію онъ окажется, такимъ образомъ, въ положеніи человѣка, который, отдавшись во власть коммунистамъ, самъ на себя подаль имъ доносъ о своей политической неблагонадежности; онъ не долженъ сомнѣваться въ томъ, что такой доносъ будетъ непременно и во всю использованъ большевиками;
- в) поэтому онъ не сможетъ ни служить русскому дѣлу, ни бороться за него; какъ патріотъ, онъ будетъ тамъ безсиленъ, бесплоденъ и ненуженъ; коммунисты — или замучаютъ его, заставляя его въ доказательство его вѣрности» служить имъ въ доносчикахъ, или же замучаютъ его за то, что онъ не захочетъ нести такую службу; въ обоихъ случаяхъ скорый разстрѣлъ будетъ для него лучшимъ исходомъ;
- д) и при всемъ томъ возвращающійся самымъ возвращеніемъ своимъ выдаетъ коммунистамъ публичное удостовѣреніе въ томъ, что они «исправились», — ибо къ нимъ можно вернуться; — себѣ же онъ обезпечиваетъ навсегда волчій паспортъ въ ГПУ.

Въ итогѣ: себѣ — униженіе и гибель; людямъ — ложь; коммунистамъ — прямая помощь.

5. Во всѣхъ этихъ спорахъ мы должны всегда имѣть подъ рукою конкретныя данныя и статистическіе матеріалы для нагляднаго обличенія совѣтской власти: по вопросамъ церкви, хозяйства, народнаго образованія, суда, о безпризорныхъ дѣтяхъ, о террорѣ и о коммунистической пропагандѣ. Редакція «Русскаго Колокола» будетъ систематически сообщать эти данныя во второмъ отдѣлѣ журнала.

6. Мы должны также помнить, что тяга къ «признанію» совѣтской власти проистекаетъ нерѣдко не изъ логическихъ ошибокъ мысли, а изъ смутныхъ душевныхъ настроеній, которыя отчасти являются естественными и понятными (например, тоска по родному быту, по роднымъ, наивная довѣрчивость, отсутствіе непосредственнаго опыта въ совѣтской Россіи). Всему этому слѣдуетъ противопоставлять здоровые духовные мотивы — углубленный патріотизмъ, религіозное осмысленіе событій, повышенную нравственную зоркость, чувство личной чести и отвѣтственности, чувство національнаго достоинства и показанія правовой совѣсти.

Труднѣе бороться со слабостью воли, общей усталостью и проистекающими отсюда уныніемъ и безразличіемъ. Здѣсь необходимо укрѣпленіе характера, религіозное сосредоточеніе и созданіе общей бодрой и дѣловитой атмосферы. Рѣшающее значеніе могли бы здѣсь имѣть кружки для духовнаго общенія и самообразованія и подготовительныя работы по созданію будущаго русскаго патріотическаго ордена.

Только наличность у «возвращенцевъ» полной безпринципности, моральной тупости, циничнаго карьеризма и прямой тяги къ большевицкой вседозволенности — можетъ заставить насъ сложить оружіе и прекратить нашу бѣлую работу по отношенію къ такимъ людямъ. Такихъ людей слѣдуетъ уговаривать какъ можно скорѣе и цѣною любыхъ подписокъ возвращаться въ Россію.

И. А. Ильинъ.

IV. О СОПРОТИВЛЕНИИ ЗЛУ СИЛОЮ.

(Для памяти).

«Нѣтъ больше той любви, какъ если кто положить душу свою за друзей своихъ».

Еванг. отъ Іоанна. XV. 13.

«Ибо такова есть воля Божія, чтобы мы, дѣлая добро, заграждали уста невѣжеству безумныхъ людей, — какъ свободные, не какъ употребляющіе свободу для прикрытія зла, но какъ рабы Божіи».

Первое Посланіе Ап. Петра. II. 15—16.

«Хочешь ли не бояться власти? Дѣлай добро и получишь похвалу отъ нея: ибо начальникъ есть Божій слуга тебѣ на добро. Если же дѣлаешь зло, бойся: ибо онъ не напрасно носить мечъ; онъ Божій слуга, отмститель въ наказаніе дѣлающему злое».

Посланіе Ап. Павла къ Римлянамъ. XIII. 3—4.

«Кто защититъ обиженнаго, тотъ поборникомъ себѣ обрѣтетъ Бога».

Исаакъ Сиріанинъ.

«Ты не участвовалъ въ дерзости виновныхъ? Хвалю это и одобряю; но ты не воспрепятствовалъ тому, что случилось, а это достойно осужденія. Такія же слова мы услышимъ и отъ Бога, если будемъ молчать въ то время, когда противъ Него раздаются хулы и поношенія».

Св. Іоаннъ Златоустъ.

«Ибо ревность по домѣ Твоемъ снѣдаетъ меня и злословія злословящихъ Тебя падаютъ на меня».

Псалтирь. 68. 10.

«Живите мирно не только съ друзьями, но и съ врагами; однако только со своими врагами, а не съ врагами Божіими».

Св. Θεодосій Печерскій.

«Ревность есть не что иное, какъ глубокая любовь въ сердцѣ человѣка справедливаго, который не остается бездѣтельнымъ, но постоянно стремится къ устраненію всего того, что онъ находитъ несоотвѣтственнымъ славѣ горячо любимаго имъ Господа».

Саванарола.

«Все великое въ мірѣ совершилось черезъ страсть, когда личность жертвовала собою до конца».

Гегель.

«Часто совершаетъ несправедливость и воздерживающійся отъ какого-либо дѣйствія, а не только дѣйствующій».

Маркъ Аврелій.

«Кто не наказываетъ зла, тотъ приказываетъ, чтобы оно совершалось».

Леонардо да Винчи.

«Потворствовать грѣху есть то же преступленіе, Карая одного, спасаю многихъ я».

Пушкинъ.

«Когда милосердіе не дѣйствуетъ, то строгость тоже есть милосердіе».

Льсковъ.

«Прося за недостойнаго, ты поступаешь безчестно».

Публилій Сиріецъ.

«Вора помиловать — добраго погубить».

Русская пословица.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
1. О русской интеллигенці. Редакторъ	3
2. Лицомъ къ Россіи! Г. Г. Бахъ	12
3. Кризисъ современнаго искусства. И. А. Ильинъ	18
4. Вы наши братья! И. А. Ильинъ	28
5. Великіе строители Россіи. 1. Митрополитъ Макарій. И. И. Лаппо	35
6. Православіе и государственность. Православный	44
7. Павось героизма и идеи современности. Н. А. Цуриковъ	50
8. Живой опытъ коммунизма. В. Ф. Гефдингъ	60
—	
I. Историческое бремя Россіи. Редакція	70
II. Русская эмиграція въ цыфрахъ. Б. А. Никольскій	76
III. О признаніи совѣтской власти. И. А. Ильинъ	78
IV. О сопротивленіи злу силой	84

„РОССІЯ“

Органъ національной мысли и освободительной борьбы

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА

подъ редакціей

ПЕТРА СТРУВЕ.

Редакція и контора:

12, Rue Royer-Collard, Paris (5)

Tel. Gobelins 65 95

Цѣна отд. номера во Франци 1 франкъ, въ Германіи 30 пф.

Изданіе Якц. Общ. Печ. Дѣла „Саламандра“, Рига, Кузнечная ул., 43. Латвія.

ЕЖЕДНЕВНАЯ БОЛЬШАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА

СЛОВО

Съ 1925 г. выходитъ подъ редакціей Н. Г. Бережанскаго и И. С. Лукаша.

Въ „Словѣ“ участвуютъ писатели:

С. И. Варшавскій, Г. Д. Гребеньниковъ, бар. В. Д. Дризень, В. Зайцевъ, проф. И. А. Ильинъ, А. Купринъ, кн. А. П. Ливень, Вл. Лодыженскій, проф. А. Мельниковъ, бар. Н. С. Нолькенъ, М. Первухинъ, А. Ремизовъ, В. Сиринъ, А. Салтыковъ, Ариадна Тыркова, В. Унковскій, Ив. Шмелевъ и многіе другіе; также русскіе ученые, общественные дѣятели, депутаты русской фракціи Латвійскаго Сейма и Эстонскаго Парламента.

Собственные корреспонденты и фотографы „СЛОВО“ во всѣхъ центрахъ Европы, на Балканахъ, въ Америкѣ и Азіи.

Информация „СЛОВО“ изъ Совѣтской Россіи — раньше другихъ газетъ.
„СЛОВО“ имѣетъ наиболѣе широкій отдѣлъ жизни въ провинціи.

Выходя въ часъ дня, „СЛОВО“ даетъ полную утреннюю и послѣобѣденную информацию за 24 часа.

„СЛОВО“ имѣетъ обширную сеть провинціальныхъ корреспондентовъ. Собственные корреспонденты и фотографы „СЛОВО“ въ Литвѣ, Эстоніи, Финляндіи и Польшѣ.

Подписная цѣна въ Литвѣ въ мѣс.—10 литъ, въ Эстоніи—280 мар. эст., за границей—86,5 амер. центов.

САМАЯ СТАРАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА

НОВОЕ ВРЕМЯ

Годъ Изданія 52-й.

Основана **А. С. Суворинымъ** въ Санктъ-Петербургѣ въ 1876 г.

Условія подписки: 1 мѣс. 3 мѣс. 6 мѣс. 12 мѣс.

Въ предѣлахъ Королевства С. Х. С. 45 дин. 125 дин. 250 дин. 400 дин.

За границу 1 дол. — — 5 дол. 10 дол.

Подписка принимается съ 1 и 15 числа каждаго мѣсяца
въ Главной Конторѣ газеты:

БЪЛГРАДЪ, ТОПЛИЧИНЪ ВЕНАЦЪ, 4
и во всѣхъ контръ-агентствахъ газеты.

БЪЛОЕ ДЪЛО

ЛѢТОПИСЬ БЪЛОЙ БОРЬБЫ

Подъ редакціей **А. А. фонъ-ЛАМПЕ**

Berlin W 15, Lietzenburger Str 43^{IV}

выходитъ въ Русскомъ Национальномъ Издательствѣ „Мѣдный
Всадникъ“ въ Берлинѣ, въ видѣ періодическихъ, закончен-
ныхъ отдѣльныхъ сборниковъ, при чемъ сборъ и разработку
матеріала приняли на себя: генераль баронъ **П. Н. Врангель**,
герцогъ **Г. Н. Лейхтенбергскій** и свѣтл. князь **А. П. Ливень**.

Вышли **КНИГИ I, II и III** / Намѣчена къ вы-
ходу въ декабрѣ 1927 г. — книга **ЧЕТВЕРТАЯ**

Размѣръ страницъ 19×25 см. Въ количествѣ 14—15 листовъ.
Шрифтъ убористый. На плотной бумагѣ. Текстъ снабженъ
:: :: схемами. Цѣна каждой книги 1 долл. 75 цент. :: ::

Главный складъ „**GRAD KITESCH**“
Berlin W 62, Kleiststrasse 21.

Подписка принимается въ редакціи
BERLIN W 50, AUGSBURGER STR. 56^{IV}.
A. BUNGE.

По цѣнѣ: на три мѣсяца 80 ам. цент.,
на шесть мѣс. 1,60 ам. дол. съ пересылкой.

Розничная продажа
во всѣхъ крупныхъ русскихъ книжныхъ магазинахъ

Кромѣ того:
въ Юго-Славіи журналъ можно выписывать
черезъ Представительство Н. А. Павловскаго
Новый Садъ ул. Змая Іовановича 25;
для Дальняго Востока представителемъ является
И. А. Глѣбовъ. Харбинъ-Модягоу.
Черноморская ул. 31.

**Цѣна книжки
въ розничной продажѣ
36 ам. центовъ.**

Verantwortlicher Schriftleiter
Professor Dr. Iwan Iljin, Berlin.

Redaktion :

Berlin W 50, Augsburger StraÙe 56^{IV}.

Verlag „RUSSISCHE GLOCKE“

Inhaber: I. Iljin.

Buchdruckerei Sinaburg u. Co., Berlin SW 68.